

Избранные
извлечения
из монографий
и статей по
археологии
Болгара

СОДЕРЖАНИЕ

<i>З.А. Акчурина, Л.П. Воскресенская, А.П. Смирнов</i> Работы на городище Великие Болгары в 1957 г.	3
<i>А.С. Воскресенский, А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова</i> Новые данные об архитектуре волжских болгар	6
<i>И.Р. Газимзянов</i> Усть-Иерусалимский могильник	8
<i>А.М. Губайдуллин</i> Из книги: "Фортификация городов Волжской Болгарии"	11
<i>Б.Б. Жеромский</i> Подгорная слобода города Болгары (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС)	14
<i>М.М. Кавеев</i> Музеефикация археологических объектов в интерьере архитектурных памятников Болгара (на примере "Восточного мавзолея") ..	15
<i>Е.П. Казаков</i> О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии	17
<i>Н.А. Кокорина</i> О XXI и XXII этнокультурных группах болгарской керамики	20
<i>М.Д. Полубояринова</i> Из книги: "Русь и Волжская Болгария в X-XV в."	22
<i>А.П. Смирнов</i> Из книги: "Волжские болгары"	24
<i>А.П. Смирнов</i> О столице государства волжских болгар	33
<i>П.Н. Старостин</i> Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага	36
<i>А.Х. Халиков</i> О столице Волжской Булгарии	37
<i>Т. А. Хлебникова</i> Ранний Болгар	44
<i>Ф.Ш. Хузин</i> Болгар на Волге. К вопросу о столице домонгольской Булгарии	47
<i>Ф.Ш. Хузин</i> К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских болгар .	53
<i>С. А. Янина</i> Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946-1958 г.)	55
<i>С. А. Янина</i> Куфические серебряные монеты с Болгарского городища (1957 год) ...	58
Перечень источников текстов	59

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ ВЕЛИКИЕ БОЛГАРЫ В 1957 Г.^[1]

З.А. Акчурина, Л.П. Воскресенская, А.П. Смирнов

Раскопки 1957 г. на усадьбе Маслова привели к открытию домонгольского слоя, который ничем не отличается по структуре от слоя этого времени в центральной части городища. Он светлый, супесчаный по составу, с небольшим числом находок. Следует отметить, что в двух ямах (11 и 13) раскопа III на усадьбе Маслова была найдена только лепная посуда. Данное обстоятельство заставляет датировать их не позднее IX в. н. э., так как в сооружениях более поздних, X в., уже везде находят гончарную болгарскую посуду. Приведенный материал не единичен. В 1954 г. на склоне городища, в районе бани № 24, был открыт участок культурного слоя, датируемого бляшкой салтовского типа.

По-видимому, уже в ранний период, в IX—X вв., пригород значительно распространился к западу вдоль высокого берега Волги и дошел до Ага-Базара, где было торжище, существовавшее уже в X в., как можно судить по записке Ибн-Фадлана. Раскопки 1957 г. открыли большое число жилых и хозяйственных сооружений. В процессе работ была поставлена задача определить дневной уровень всех открытых сооружений и тем самым связать их с определенными напластованиями культурного слоя. Это сделать удавалось не во всех случаях, хотя для большинства сооружений вопрос решен. Большую помощь оказал в данном случае профиль культурного слоя. Поэтому раскопки велись таким образом, чтобы в распоряжении исследователей было наибольшее число профилей.

Раскопки близ Черной палаты (раскоп II) проводились в связи с работами по реставрации, предпринятой Архитектурным управлением ТАССР. Архитектором Ф. Х. Валеевым с этой целью были заложены три шурфа: первый снаружи, у южной стены, второй — с внутренней стороны той же стены и третий — снаружи у западной стены. При работах был открыт дневной уровень здания на западной стене, на глубине от поверхности 40 см. Выше дневного уровня залегают слои извести и строительного мусора, образовавшиеся в результате реставрационных работ. Здесь встречены золотоордынские вещи и игральная фишка позднего времени. Как стратиграфия, так и эта находка свидетельствуют о перекопе слоя. С глубины 100 см непосредственно на песчаном материке залегают плотный гуммированный суглинок.

По характеру и структуре этот слой соответствует культурному слою у южной стены Черной палаты и хорошо датируется находкой поливной золотоордынской керамики, иранской люстровой, квадратным кирпичом 22-23 x 22-23 x 4-4,5 см, а также всем комплексом кухонной посуды. Такого же характера находки были сделаны архитектором Ф. Х. Валеевым в шурфе у южной стены, где им найдены четыре кирпича золотоордынского времени. К нижнему горизонту слоя относятся три ямы, дневная поверхность которых совпадает с верхней гранью плотного гуммированного суглинка.

Ямы датируются значительным числом находок золотоордынской поливной посуды. Все эти данные заставляют датировать весь слой второй половиной XIII—XIV вв., и они определяют и дату Черной палаты. Котлован для ее фундамента был

вырыт в золотоордынском слое. Следовательно, памятник относится ко времени не ранее XIV в. Проведенные работы подтвердили старые предположения о слабой заселенности данного района в домонгольское время. По-видимому, поселение в этой части не выходило за границы Замошного вала.

В связи с работами, проведенными около Черной палаты, встает вопрос, на который обратил внимание И. Н. Березин, наблюдавший фундаменты примыкавших к палате построек. Эти фундаменты, по мнению И. Н. Березина, принадлежали постройкам, в которых жили служители мечети и которые одновременно являлись и контрофорсами Черной палаты. Фундаменты видны на некоторых иллюстрациях; о них, в частности, писал Эрдман. К сожалению, следов данных построек мы не наблюдали ни в шурфах Ф. Х. Валеева, ни в нашем раскопе. Если такие пристройки и были, то они не имели мощного фундамента, так как иначе их где-нибудь бы обнаружили.

Встает вопрос о производстве более широких раскопочных работ в районе Черной палаты, однако в настоящее время при аварийном положении этого памятника никакие раскопочные работы невозможны. Новые материалы опровергают точку зрения В. В. Егереева на датировку Черной палаты. У нас нет никаких данных отнести время ее постройки к домонгольскому материалу. История архитектуры знает памятники этого стиля не только раннего, но и позднего времени, и не только XIII—XIV, но и XVI вв. Археологический материал подтвердил датировку XIV в., установленную исследователями конца XIX — начала XX в. Ханская усыпальница, назначение которой долгое время оставалось невыясненным, была уже объектом раскопок летом 1914 г. Выше заложено 40 траншей вдоль стен усыпальницы параллельно фундаментам самой Ханской усыпальницы и прилегающих к ней помещений, вытянувшихся по линии северо-восток — юго-запад и перпендикулярно к ним; другие траншеи были заложены к востоку и северо-востоку от развалин.

Кроме обследования фундаментов центрального (сохранившегося до сих пор) здания и примыкавших к нему еще трех был открыт большой мусульманский могильник — всего 31 погребение внутри зданий и около них. Причем М. Худяков правильно считает, что могильник вне зданий образовался уже после их сооружения, так что ни одна могила не нарушена фундаментами. Было установлено, что стены погребальных мавзолеев сложены в основном из известняка и только одно из четырех зданий из хорошо обожженного квадратного кирпича. Стены возведены на фундаменте из нерегулярного камня. Наружные стены зданий украшены очень скупо — дверные и оконные проемы обрамляли рамки с резным узором по алебастру. Внутри стены лишь оштукатурены, и только в центральном здании они местами украшены поливными изразцами с разнообразными орнаментами, выполненными в синих, голубых и белых тонах. Таковы краткие итоги работ Н. Худякова, С. Покровского и В. Кроленберга летом 1914 г.

Наш раскоп разбит в 15 м от Ханской усыпальницы параллельно ей и старым раскопам, на месте, не носящем никаких следов перекопов. Раскоп размером 10 X 10 м вплотную примкнул к траншее, вырытой при земляных работах, и в соответствии с этим ориентирован углами по странам света. Было выяснено, что раскапываемая площадь не имеет культурного слоя, относящегося к русской деревне. Большая часть площади раскопа перекрыта слоем темного, сильно гуммированного чернозема.

ма, который образовался на Болгарском городище в период его запустения (XV в.). В некоторых местах прямо под дерном лежит слой золотоордынского времени. Непосредственно под слоем чернозема открыт позднезолотоордынский могильник, существовавший очень недолгое время в последний период жизни города — в конце XIV - начале XV в.

Могильник этот прорезал культурный слой на большей части раскопа до материка, разрушив нижележащие культурные слои — остатки уже разрушенного перед возникновением могильника большого здания и еще один слой мусульманского могильника, предшествовавшего в свою очередь строительству этого сооружения. Перемешанность культурных слоев, густо насыщенных разновременными остатками жизни, очень затруднила определение хронологической принадлежности различных объектов. Целью и результатом работ 1957 г. на двух участках Болгарского городища — на бывшей усадьбе Маслова и возле Ханской усыпальницы — было открытие двух архитектурных сооружений, дошедших до нас в совершенно разрушенном виде.

Развалины на бывшей усадьбе Маслова принадлежат, вероятнее всего, жилому дому, в планировке которого можно предполагать наличие круглых башен по углам при общих прямоугольных очертаниях (судя по протяженности развалин). Дом не имел фундамента, его заменяла известковая субструкция, слишком слабая, чтобы заменить фундамент, возведенная, скорее, как дань старым традициям Востока, потерявшим в здешних условиях Поволжья свой смысл, а также как защита от почвенных вод и прекрасное связующее вещество для каменной вымостки пола, двора и нижних рядов кладки. Основным материалом для строительства стен был хорошо обожженный квадратный кирпич. Внутри стены штукатурились и украшались частично изразцовой мозаикой.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР^[2]

А.С. Воскресенский, А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова

Монументальные памятники: города Великие Болгары ценны не только как страница культуры волжских болгар, но и как определенный этап ранней истории архитектуры казанских татар. Волжские болгары явились основным этническим и культурным компонентом в формировании казанских татар, и поэтому их материальная культура может раскрыта многие стороны истории татарского народа. Сравнение культовых зданий и рядовых построек казанских татар с болгарскими дает неоспоримое доказательство их близости. С другой стороны, в архитектуре казанских татар мы не найдем следов древнемонгольской архитектуры, ставшей нам известной по археологическим исследованиям столицы Монгольской империи Кара-Корума, с ее сильным налетом элементов китайской архитектуры.

К сожалению, приведя неоспоримые данные стилистического характера, исследователь не учел консервативности восточной культовой архитектуры и допустил некоторую, правда незначительную, ошибку. Только в отношении Черной Палаты полученные археологические данные резко разошлись с данными стилистического анализа.

Раскопки «Четырехугольника» дали возможность установить время его сооружения и гибели. Выяснилось, что постройка здания была завершена в 30-е годы XIV столетия, здание погибло в начале XV в.

В 1966 г. с целью уточнения времени постройки и выяснения конструктивных особенностей мавзолеев, было проведено исследование у Соборной мечети. Раскоп XIII был заложен возле южной стены и юго-восточного угла дюрбе «Церковь святого Николая». Раскоп XIV охватил юго-восточный угол мавзолея «Монастырский погреб».

Вскрытие культурного слоя проводилось с оставлением контрольных бровок, выявивших картину залегания культурных напластований в непосредственной близости к постройкам.

Из анализа стратиграфических данных видно, что строительству мавзолеев предшествовало время в пределах раннеордынского периода, когда на месте будущего их расположения протекала интенсивная хозяйственная и производственная деятельность, прерванная пожаром. Это разрушение может быть датировано по находкам монет в горне раскопа XIII серединой XIII в. Отложения между наслоениями этого разрушения и прослойками материкового выкида, а также строительного мусора, сопоставимыми с периодом строительства дюрбе, незначительны. Это указывает на небольшой отрезок времени между моментом разрушения и строительством дюрбе. В это время на территории XIII раскопа у церкви св. Николая (Восточный мавзолей – ред.) существовало кладбище.

Строительство исследованных мавзолеев было сравнительно кратковременным. К периоду создания вымостки из известнякового щебня вокруг Соборной мечети оно было, по-видимому, завершено. Укладка же вымостки у Соборной мечети датирована временем после 30-х гг. XIV в. Оформление площади вымостки было связано с окончанием постройки Соборной мечети. Следовательно,

строительство мавзолеев относится к последнему периоду строительных работ мечети. Созданием мавзолеев и укладкой вымостки было закончено оформление центральной площади города Болгара.

Одним из лучших памятников архитектуры на территории Болгар является Черная палата.

Трудно указать памятник, который по планировке был аналогичен Черной Палате с открытыми вокруг нее помещениями. Пожалуй, ближе всего к ней «Ханская дача» XIV в. в селении Нардаран (Азербайджан).

Новые материалы пока не могут определенно решить вопрос о назначении памятника. Конечно, это не мавзолей, едва ли мечеть или судилище. Возможно, что здание являлось так называемой ханака — прибежищем для странствующих дервишей, которая обычно включает в себя помещение главного шейха, меджид (малая мечеть) и отдельные жилые помещения (худжры), причем все это, в соответствии с уставом дервишей, должно было иметь суровый, неприязательный облик.

Датировать здание, относящееся к третьему горизонту золотоордынского слоя, как уже указывалось, по данным стратиграфии следует XIV в о чем свидетельствует золотой перстень, найденный в фундаменте Черной Палаты, аналогичный по стилю замечательным произведениям клада Джуке-Тау.

УСТЬ-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОГИЛЬНИК^[3]

И.Р. Газимзянов

На территории Болгарского городища некрополь занимает мысовидный выступ коренной террасы, образованный при слиянии Большого и Малого Иерусалимского оврагов. С 1996 по 2003 год здесь изучено 324 погребения, совершенных, в целом, по мусульманском обряду.

Погребения располагались рядами, вытянутыми в направлении с северо-запада на юго-восток, образуя отдельные скопления разновозрастных захоронений, связанных, очевидно, с семейно-родовыми группами. Могилы подпрямоугольной в плане формы имели глубину до одного метра, отвесные стенки и ровное дно, размеры могил зависели от возраста и роста погребенного. В 58 из них прослежены останки древесины от гробовищ, скрепленных без применения гвоздей. Гробовище состояло из рамы с верхним перекрытием и без дна, дно могилы устилалось, вероятно, травой.

Костяки, в большинстве случаев, залежали вытянуто с небольшим поворотом на правый бок, остальные – либо на спине, либо на левом боку. Более десятка скелетов находились в скорченном или полускорченном положении, а два из них располагались вниз лицом на животе. Головой костяки ориентированы в основном в западном и в юго-западном направлении, остальные повернуты либо к югу, либо к северу. Лицо, в основном, направлено к югу, в ряде случаев обращено вверх, к северу или перед собой.

Положение костей рук, в основном, было следующим: правая располагалась вдоль корпуса, а левая покоилась на тазовых костях, в остальных случаях положение рук довольно разнообразно – обе на груди или на животе, обе вытянуты вдоль корпуса и так далее. Кости ног, как правило, находились в вытянутом положении, у 28 скелетов – одна нога вытянута, другая согнута, у 44 скелетов – обе подогнуты в ту или иную сторону. У оставшихся костяков они либо скрещены, либо раскинуты в разные стороны.

Вещевой инвентарь в погребениях практически отсутствовал.

В то же время, в ряде захоронений прослежены черты доисламских традиций таких как: южная или северная ориентация костяков, скорченное положение погребенных на правом или левом боку с расположением рук перед лицом, погребальный инвентарь, уложенный рядом с умершим или поверх него в засыпи могилы, и, наконец, следы обезвреживания покойника до погребения (отчленение головы, кистей рук и ног) и после (разрушение грудной клетки). Некоторые из этих элементов погребального обряда – юго-западная ориентация, скорченное положение имеют аналогии в погребальных памятниках мордвы-мокши XII-XIV вв.

Этому не противоречат и вещевые комплексы, встреченные в нескольких детских погребениях. В них входили ожерелья из пастовых бус и раковин каури, бронзовые височные кольца, а также типичные для мордовского этноса детали костюма – лопастные сьюльгамы и полукерь.

Исследованная часть некрополя датируется на основании стратиграфических наблюдений (могилы прорезали слой поселения раннезолотоордынского времени) и монетного материала из засыпи могил второй половиной XIV – началом XV вв.

Благодаря хорошей сохранности антропологического материала удалось определить пол и возраст у более 300 костяков. Из них: 172 принадлежало детям в возрасте до 15 лет, 129 - взрослым субъектам (58 мужским и 71 женским). Процент детской смертности составил 57,14%, то есть более половины группы умерло в детском возрасте. Это очень высокий показатель, на наш взгляд, связанный, в первую очередь, с экологической обстановкой в данной местности в 14 веке, с недостатком пищевых ресурсов и с практикой очень ранних родов у женщин. Не исключено, что высокая детская смертность также связана с политической и экономической ситуацией, сложившейся в Золотой Орде во второй половине XIV столетия. Однако в ходе исследования некрополя мы обратили внимание на концентрацию детских погребений в юго-западной части памятника. Не исключено, что это специальное место на могильнике, отведенное под детские захоронения. При этом в планиграфии раскопанной части некрополя прослеживаются отдельные скопления взрослых и детских могил - участки семейных или родовых захоронений. Поэтому, отмеченное нами распределение детей и взрослых является, скорее всего, случайным.

Интересно распределение детской смертности по возрастным интервалам. Пик ее приходится на возрастную интервал до 2-х лет, а в интервале до 6 лет процентное содержание детской смертности составляет более 80%. В дальнейшем ситуация несколько стабилизируется и количество умерших детей в возрасте от 6 до 12 лет плавно уменьшается, но уже к 15 годам опять увеличивается. Говорить о причинах столь высокой смертности в раннем возрасте без специального исследования довольно затруднительно. Обычно считается, что детский организм в первые годы жизни лишен иммунной защиты, и он чаще подвержен смертельной опасности. Возрастная детская смертности в начале пубертатного периода связано, прежде всего, с половым созреванием и ранним воспроизводством потомства. В ряде случаев отмечены парные захоронения: девочек-подростков в возрасте от 12 до 16 лет с новорожденным ребенком. Вероятно, смерть наступала при родах или некоторое время спустя (послеродовые осложнения). Новорожденный погибал либо при появлении на свет, либо после смерти матери.

Во взрослой части популяции наблюдается небольшое преобладание женщин над мужчинами. Характер распределения умерших по возрастным интервалам является обычным для древних популяций, независимо от места проживания и этнической принадлежности. Пик смертности у мужчин падает на возмужалый и зрелый периоды жизни, а количество умерших в юношеском и старческом возрасте одинаково и составляет не более 2% от общего числа взрослого населения. В женской группе смертность чаще наступала в интервале от 18 до 35 лет, а количество смертей в интервале до 18 лет и от 35- до 55 лет примерно одинаково. До старческого возраста, по имеющимся наблюдениям, из женщин никто не доживал. Столь высокий уровень смертности среди женщин в ранние периоды жизни связан, вероятно, с их репродуктивной функцией и быстрой изнашиваемостью женского организма при частых родах.

Не исключено, что эта причина повлияла на общую среднюю продолжительность жизни усть-иерусалимского населения. Если в мужской группе она соответствует средневековым стандартам (34.8 лет), то в женской ее части она гораздо ниже -

около 30 лет. Если ситуация, когда женщины жили в среднем меньше, чем мужчины, типична вплоть до начала XX столетия, то общий показатель средней продолжительности жизни, составляющий без учета детской смертности около 31,7 лет, считается достаточно низким даже для эпохи средневековья, что отражает какие-то неблагоприятные моменты в жизнедеятельности данного коллектива. Высокая смертность детей вела к высокой рождаемости и, соответственно, к раннему старению женщин. Вероятно, в условиях того времени такая стратегия выживания была единственно возможной.

Интересно рассмотрение антропологического статуса усть-иерусалимцев по краниометрическим данным и маркерам физического развития. Череп из мужских захоронений некрополя относится к мезоморфному европеоидному типу со слабо выраженными признаками. Женские черепы морфологически мало, чем отличались от мужских. Единственное, что следует отметить: они имели более короткую черепную коробку и более узкий лоб.

Наиболее отчетливая тенденция, связанная с усилением монголоидной примеси, прослеживается на женских черепах из погребений с элементами доисламских воззрений. Они наиболее круглолобые, имеют более широкое и более уплощенное, но низкое лицо. Морфологическая неоднородность усть-иерусалимского населения характерна, прежде всего, для ее женской части, что связано, учитывая археологические реалии, с различными этническими и генетическими истоками отдельных групп населения, использовавших могильник. Выяснение этих истоков – задача дальнейших исследований.

Усть-иерусалимское население характеризовалось по большей части ростом средним и ниже среднего. Для мужчин – 163,2 см, а для женщин – 152,5 см. Для группы были характерны очень массивные ключицы и большеберцовые кости. Мышечный рельеф рук у большинства индивидов развит умеренно. Рельеф мышц, приводящих в движение тазобедренный и коленный суставы, у большинства мужчин и у многих женщин развит очень хорошо. Не исключено, что часть населения активно занималась рыболовством. Основной патологией людей данной группы является периостит костей ног, а в некоторых случаях рук. Воспаление надкостницы, вероятно, было вызвано частыми переохлаждениями, которые, скорее всего, были связаны с долгим нахождением в воде или во влажных условиях. Остальные патологии и аномалии скелета индивидуальны. Многие из них соответствуют старческим изменениям и не всегда связаны с экологическими условиями обитания и трудовой деятельностью. В группе отмечается низкий уровень травматизма и различного рода ранений.

Комплексный историко-антропологический анализ материалов раскопок Усть-Иерусалимского могильника показывает, что памятник оставлен «рядовым» населением города Болгара на позднезолотоордынском этапе его развития. Судя по элементам погребального обряда и антропологическому типу, оно было неоднородным. В основе этой неоднородности лежат этнокультурные и этногенетические различия.

ИЗ КНИГИ "ФОРТИФИКАЦИЯ ГОРОДОВ
ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ"^[4]

А.М. Губайдуллин

Болгарское городище. Многолетние исследования самых ранних укреплений, относящихся к X в., позволили определить, что они состояли из двух рвов и деревянной стены в виде частокола или тына. Последняя располагалась вдоль внутреннего рва и ограждала мысовое поселение площадью около 9 га. По мнению Т. А. Хлебниковой, обе линии «юго-восточными концами были подведены к отрогам оврага (Большого Иерусалимского - А.Г.), а северным, сходясь вместе, подходили к обрыву террасы». Несколько странным, однако, является соединение двух рвов в один. В то время, как с большей части сторон имеется двойная линия оставшийся отрезок обороны сознательно ослаблен. Почему болгарские военные инженеры не продолжили оба рубежа до конца на относительно короткое расстояние? Это позволило бы иметь равнозащищенной площадку поселения с наиболее угрожаемой напольной стороны. Нам представляется, что здесь существует или некоторая неточность в современной реконструкции, или, по какой-либо причине еще в древности (X в.) ров был перенесен на другое место (в сторону уменьшения или увеличения площади городища).

Археологическими исследованиями М.М.Кавеева, Р.Ф.Шарифуллина и автора в последнее время удалось проследить направление и конфигурацию рва. Выявленный в нескольких раскопах объект имеет треугольную форму с дренажной канавкой. Заложение эскарпа и контр-эскарпа примерно равно и составляет на разных участках от 1 до 2/3 глубины рва. Не исключено, что своими корнями он уходит в позднеантичную фортификацию. По всей видимости, его вряд ли заполняли водой, т.к. сам тип рва (треугольный узкий, а не трапециевидный) и неплотный грунт (суглинисто-супесчаный), в котором он был выкопан, не подразумевают этого.

По некоторым следам можно констатировать и наличие вбитых в его склоны кольев. Как они располагались - определить точно не удалось. По аналогиям с другими памятниками, возможно в шахматном порядке. Судя по выявленным столбовым ямкам, с внутренней стороны был установлен частокол из бревен диаметром 30-40 см. а Направление самого рва, отсекавшего мыс, не являлось прямолинейным. По-видимому, он представлял собой ломаную линию, в основе ном состоявшую из исходящих углов.

Следы этого рва после X в. сохранялись еще долго, но уже в некотором заплывшем состоянии, что было определено нашими исследованиями. Возможно, его функции свелись уже просто к использованию в качестве дренажной системы города. Полностью он был сnivelирован только не ранее конца XIII в. путем засыпки коричневой супесью, относящейся к так называемому IV раннему слою (2-я пол. XIII -сер. XIV вв.) стратиграфической шкалы Болгарского городища. В целом же, как считает Т.А.Хлебникова, оборонительное предназначение данного пояса укреплений сохранялось весь домонгольский период.

Следующая линия укреплений возникла гораздо позже, в конце XII - начале XIII вв. и ограждала уже много большую территорию (около 25 га). Она состояла из рва и вала, по верху которого, видимо, проходила деревянная стена/Последний был «... обнаружен в виде остатков суглинистого основания».

Памятник и в этот период времени имел мысовое расположение. Из-за малой изученности предмонгольской оборонительной линии, пока трудно судить о каких-либо ее особенностях и первоначальном облике. Можно говорить лишь о профилировке рва в это время. Она была двух видов - треугольной и трапециевидной. Первая отмечена в южной части городища, вторая - в западной. Таким образом, налицо специальный выбор в устройстве рва в разных местах памятника. С чем это связано, пока недостаточно ясно, но еще раз подтверждает мысль о частых конструктивных различиях крепостных сооружений, входящих в одну линию.

Имеется план укреплений, снятый в 1-ой половине XVIII в., когда их остатки еще были видны на поверхности земли. Фортификационные сооружения городища имели тогда 12 исходящих и 5 входящих углов. С востока и юго-востока линия обороны проходила вдоль оврага, дополняя его защитные свойства, а с запада прикрывала памятник с напольной стороны. Не исключено, что в местах, где изломы укреплений были направлены в сторону поля, могли располагаться крепостные башни, фланкировавшие подступы к стенам.

Заслуживает внимания и выступ в западной части оборонительной линии, Его присутствие здесь малопонятно. Возможно, он был устроен для лучшего обстрела равнинной местности с напольной стороны путем выдвижения укреплений, что, в такой случае, делает его прообразом будущих бастионов. Не исключена и вероятность местоположения в этом выступе проезда (в отрезке его южной части). В пользу данного предположения может говорить и входящий угол, расположенный в непосредственной близости и позволявший защищать въезд перекрестной стрельбой, что создавало бы дополнительное преимущество при обороне. К тому же немаловажным фактом, в этом случае, является принуждение противника при нападении на ворота поворачивать к крепостной стене правым незащищенным боком.

Наиболее полные сведения о фортификационных сооружениях Болгарского городища получены лишь при исследованиях оборонительной линии, возведенной в золотоордынское время. В первой половине XIV в. Город значительно расширяет свою территорию и принимает подтреугольную форму. Его расположение на местности видоизменяется, Он становится неподчиненным рельефу, что в оборонительном плане накладывает на него свой отпечаток. Вся линия укреплений принимает ломаную форму и состоит из серии входящих и исходящих углов.

Изучение западной линии дерево - земляных сооружений выявило на гребне вала остатки дубовых столбов диаметром 0,1-0,5 м, заглубленных на 0,5 м. По мнению О. С. Хованской, они являлись следами крепостной стены, установленной на вершине оборонительной насыпи. Толщина ее достигала 1,6 м.

В свою очередь, при расчистке рва глубиной 2,2 м были обнаружены следы от ямок, являвшихся остатками кольев, забитых в его дно. Подобные же столбы выявлены и на контр-эскарпе. Как считает О.С.Хованская, они представляли собой надолбы, служившие дополнительным препятствием для противника.

В процессе исследований были выявлены и следы от крепостных башен 8 или 12-угольной формы, довольно редко встречающихся при археологических работах. По мнению их исследователя, облик башен может быть реконструирован по аналогии с поздними русскими крепостными постройками XV-XVIII вв. В этом случае нижняя часть башни обычно заполнялась землей и камнями. Оставлялись лишь узкие проходы к отверстиям нижнего боя, а на уровне прилегающих стен устраивался второй ярус обороны.

Как считает О.С. Хованская, крепостные стены Болгарского городища представляли собой прототип тарас заполненных землей и камнями.

В свою очередь Ю.А.Краснов реконструировал основу стен из вертикальных столбов, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами. На этом материале он сделал вывод, что характерное для Болгарского городища являлась столбовая конструкция тарас, которая была почти неизвестна в Древней Руси.

Выдвинутая исследователями точка зрения о влиянии Древней Руси на болгарскую фортификацию не может быть верной, так как сами они указывают, что подобные типы крепостных сооружений возникли и использовались там гораздо позже, а в Волжской Булгарии они применяются уже с 1-ой половины XIV в.

В целом, картина военно-оборонительных конструкций Болгарского городища очень интересна. Если наиболее ранние укрепления X в. показывают основные тенденции в развитии болгарской фортификации и аналогичны ранним укреплениям Билярского, Танкеевского и Тигашевского городищ, то комплекс оборонительных сооружений XIV в. гораздо более сложен. Он состоит из целой системы взаимодополняющих и заменяющих друг друга типов фортификационных построек: надолбы с напольной стороны и во рву, ломанная линия обороны, крепостные башни и стены в виде тарас (наиболее передовой тип стен в то время), а также сложная система проездов.

ПОДГОРНАЯ СЛОБОДА ГОРОДА БОЛГАРЫ

(ИЗ РАБОТ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КУЙБЫШЕВСКОЙ ГЭС)^[5]

Жеромский Б. Б.

На северной окраине городища, на левом берегу р. Меленки, в 1951 г. был заложен раскоп II, примыкавший к раскопу 1950 г., где была открыта баня.

Здесь вскрыты три колодца, обслуживавшие баню, городская площадь, яма для гашения извести, горн для обжита кирпича.

Установлена следующая стратиграфия культурных напластований. Сверху залегал отвал раскопок 1950 г., ниже шли слои: I — современной деревни; II — русской деревни XVI-XIX вв. (сероватый чернозем мощностью 20 см); (III — слой эпохи Казанского ханства не прослежен); IV — золотоордынский распадается на два горизонта: а) позднезолотоордынский и б) раннезолотоордынский. Домонгольских слоев не обнаружено — ниже залегает материк. На некоторых участках в верхней «части IV (золотоордынского) слоя прослеживается синеватый зернистый, рассыпающийся на мелкие комья слой чернозема. По своей структуре он близок III слою и представляет собой погребенную почву. Датируется монетами конца XIV в.

Вскрытые колодцы обслуживали баню. Первый из них находился в IV культурном слое. Сверху сруб был разобран, и яма завалена строительным мусором. Профиль западной стенки раскопа показал одновременность заполнения всей ямы. Об этом же свидетельствуют фрагменты керамики от одних и тех же сосудов, происходящие из разных горизонтов ямы. В яме найдены: монета города Болгара 1333 г. и кусок пушечной гранаты. Ниже, на глубине 2,3 м, встречен завал крупных известковых блоков, обломки славянской посуды и золотоордынская монета, чеканенная в Биляре в 1296 г.

Самой интересной находкой является костяная пластинка от колчана с изображением какого-то зверя, найденная в колодце № 2. Фигура расположена между двумя поясами. Зверь изображен в профиль с закинутой толовой и раскрытой пастью. Заметны глаз и два окаймленные валиками уха. Лапы массивные, с грубо прочерченными когтями. На пластинке поместились задние и часть передних лап. Хвост поднят вверх и почти касается морды. В передаче зверя мастер подчеркнул его движения и напряженность мускулов. На нижнем и верхнем краях пластинки сохранились следы других изображений. В характере трактовки деталей фигуры зверя прослеживается влияние сарматского искусства, вернее, гунно-сарматского. Об этом можно судить по напряженной позе зверя, по обрисовке вокруг ушей валиков, дающих возможность уловить древнюю традицию. Характер размещения изображения на пластинке с чередующимися поясами, грубая обработка кости, трактовка лап, а также аналогичные «воспроизведения зверей на болгарских печатях позволяют датировать находку временем XII—XIII вв.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ИНТЕРЬЕРЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ БОЛГАРА (НА ПРИМЕРЕ "ВОСТОЧНОГО МАВЗОЛЕЯ")^[6]

М.М. Кавеев

В 1992 г. в связи с постановкой вопроса о музеефикации "Восточного мавзолея" были предприняты археологические раскопки. В процессе работ выявлены объекты разного времени и назначения.

В результате раскопок расчищено основание иконостаса, сложенного из бутового камня в период использования здания мавзолея под церковь св. Николая в 1712-1735 гг. Проходило оно от входа, расположенного в южной части усыпальницы, к окну в центре северной стенки.

Далее выявлен уровень пола мавзолея первой половины XIV в., а также два каменных склепа хорошей сохранности и развал деревянного.

Каменные склепы находятся в южной половине здания. Один расположен с восточной стороны основания иконостаса, другой - с западной. Костяки погребенных были вынуты во время оборудования

усыпальницы под церковь. Сами склепы были засыпаны грунтом. Каких-либо следов их перекрытия не выявлено.

Деревянный склеп, находящийся в северо-восточной части, основательно разрушен поздними работами, связанными с церковью св. Николая, в том числе и при рывке котлована для возведения алтарной дорожки. Кости погребенного были частично вынуты, а частично сдвинуты к западной половине склепа. По сохранившимся деталям представляется возможность восстановить конструктивные особенности склепа.

В процессе работ выявлены следы еще двух склепов в восточной половине мавзолея в виде контуров древесного тлена.

Таким образом, в восточной половине мавзолея расчищены и прослежены остатки одного каменного и трех деревянных склепов; в юго-западной части — один каменный. Вероятнее всего, в западной половине усыпальницы было еще три склепа, уничтоженных поздним вкопом.

К западу от входа в мавзолей вскрыта печь из сырцового кирпича датируемая концом XIII - началом XIV вв. С расширением площади некрополя вокруг Соборной мечети она попала под здание и была засыпана при нивелировке пола дюрбе.

Несомненный интерес представляет стратиграфия, полученная северной стенки раскопа. Здесь четко прослеживаются культурные напластования всех периодов существования городища с X в., а та же мавзолея. Отражены этапы его строительства, ремонта, далее подготовка здания под церковь и т.д. Интерес представляет слой, накопившийся в период существования памятника в эпоху Казанского ханства. Это напластование на территории Болгарского городища встречается далеко не повсеместно и указывает на то, что мавзолей оставался местом поклонения и в XVI в.

Результаты раскопок внутри здания дали возможность поставить вопрос о музеефикации археологических объектов разного времени и назначения, а также культурных напластований. В основу экс позиции ляжет реконструированный комплекс хозяйственных сооружений средневекового Болгара, а также группа мусульманских склепов конца XIII-XIV вв. Для их демонстрации необходимо про вести работы по консервации, реставрации, техническому обеспечению и художественному оформлению с применением современных методик.

Уцелевшая часть деревянного склепа будет пропитана закрепляющим раствором, разрушенные участки реконструируются. Контуры на грунте покажут следы разрушенных склепов. Таким образом будет представлена картина расположения погребений в восточной половине мавзолея. Западная половина сохранится в виде раскопа. Стратиграфия северной стенки, дающая наиболее полное представление о культурных напластованиях, войдет в экспозицию. В северо-западной части мавзолея будут показаны уровни полов дюрбе и церкви.

Алтарная дорожка, после реставрационного и консервационного укрепления, используется для передвижения посетителей.

Экспозиция даст возможность представить не только интерьер мавзолея, но и наглядно показать процесс археологических работ на подобных памятниках.

О РАННЕЙ ДАТЕ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ ДОМОНГОЛЬСКОЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ^[7]

Е.П. Казаков

В исторической науке большой интерес исследователей вызывают процессы, происходящие в Среднем Поволжье, да и во всем Урало-Поволжье, в раннеболгарское и предболгарское время. С того времени, как начали археологически активнее изучать болгарские памятники превалировала точка зрения, что пришедшая с юго-востока Европы орда тюркоязычных кочевников подчиняла местные оседлое население и создала первое в регионе государство. Такие, близкие к автохтонным, представления базировались на малоизученности памятников, малоинформативности лепной плоскодонной керамики, отсутствию сравнительного материала и т.д. Имелись точки зрения, что города в стране болгар существовали с IX в.

В 60-90-е годы XX в. В.Ф.Генинг, А.Х. и Е.А. Халиковы, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин и другие широко изучали некрополи раннеболгарского времени. Богатые комплексы их позволили выявить хронологию древностей данной территории и данного времени, что позволило кардинально изменить наши представления о происходящих здесь процессах. Так выявлено, что плотно заселявшее лесостепь Урало-Поволжья оседлое население именъковской культуры с лепной плоскодонной посудой в VII в. было вытеснено пришедшими с востока кочевыми племенами кушнаренковской культуры с совершенно другим образом жизни, керамикой и другими проявлениями культуры. В VIII в. в Среднее Поволжье переселились болгары, которые также имели четкие реперы культуры, в том числе кочевой образ жизни, ранее неизвестную в крае круговую посуду, характерную для салтовской культуры юго-восточной Европы, предметы одежды и украшения. Данные материалы, отмеченные в двух десятках могильников, свидетельствуют, что с VIII по первую четверть X в. болгары были язычниками и вели кочевой образ жизни.

В археологии Волжской Болгарии дискуссионной является проблема появления постоянных поселений, т.е. седентаризация населения и, в том числе, возникновение городов. Определенные данные для решения этого дают материалы столичных центров страны болгар: Болгара, Сувара, Биляра.

Используя метод сопоставления древностей вышеуказанных городов с синхронными памятниками их округа можно получить материалы по их ранней датировке.

Сведения о самых ранних городах волжских болгар по восточным источникам суммированы в работе Б.Н. Заходера. В них сообщается: « У болгар два города; оба города поблизости (или в двух дня пути) друг от друга; в обоих городах - деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане, по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными». Эти сведения исследователь отнес к постибнфадлановскому времени. Из других источников следует, что жители этих городов в домах живут только зимой, а летом - в шатрах, что они воюют с «неверными», которые «кругом них».

Данные сведения интерпретировались многими авторами. В частности две работы им посвящены Р.Г. Фахрутдиновым в конце 70-х годов XX в. Он полагает, что такие сведения дает ал-Балхи и другие авторы первой четверти X в. Однако в отличие от материалов ибн-Фаддана, четко привязанных к времени, да и к месту, данные ал-Балхи и других дошли до нас в многократных переписках. Исследователь и сам указывает их спорность, хотя и пытается объяснить.

Археологические материалы по раннему Болгару стремилась представить Т.А.Хлебникова. В течение десятилетий этот исследователь проводила раскопы данного памятника. Ею описан наиболее ранний, VI слой городища, который она отнесла к рубежу IX—X вв. К сожалению, представленные данным автором материалы из этого слоя относятся не ранее, чем к измерскому времени последней трети X в. Среди этих вещей лимонки-бусы, ромбовидный наконечник стрелы, шиферное напрясло. Те же самые вещи приводит для доказательства ранней даты Болгара Ф.Ш. Хузин.

Новые археологические материалы получены П.Н. Старостиным при раскопках поселения в Мало-Иерусалимском овраге на территории Болгарского городища. Здесь были изучены жилища с керамикой, относящиеся к концу первой - началу второй четверти X в. В составе ее исследователь выделил три группы: полумско-ломоватовскую, болгарскую гончарную и горшковидную салтово-маяцкую с рифлением.

Первая группа относится к урало-прикамским уграм, переселившимся на Волгу во второй трети IX в. и участвовавшими в этногенезе волжских болгар. Отдельные фрагменты такой посуды встречались и на других раскопах г Болгара. Лепная круглодонная с раковиной в тесте и шнуровым орнаментом выделяется она четко.

Данная посуда в массе представлена в погребениях Танкеевского могильника. Наиболее поздние ее образцы датируются здесь второй четвертью X в.

Где-то во второй-третьей четверти X в. данная керамика в памятниках Волжской Болгарии исчезает, в то же время, она появляется на многих памятниках Верхнего Поволжья. Такая ситуация, возможно, была определена религиозными войнами, о которых говорят письменные источники, сообщающие о том, что мусульмане городов Болгара и Суvara воюют с «неверными», которые вокруг них. Вследствие этого группы полумско-ломоватовских мигрантов из Приуралья, не принявшие ислама, снова уходят на запад, теперь уже по Великому Волжскому пути. Можно полагать их самыми западными уграми лесной зоны и их потомками, которые за сто лет прошли путь от Приуралья до Центральной России с остановкой в Волжской Болгарии.

В малоиерусалимском комплексе имеется одноручный кувшин с бомбовидным туловом. Подобная керамика, привнесенная на Волгу первой волной болгар, также в массе представлена в Танкеевском могильнике, где преобладают кувшины с наибольшим диаметром тулова в нижней его части. Сосуды с таким диаметром, меньшим, чем высота тулова и такой конфигурацией, имеет параллели в захоронениях второй половины X в. – скорее всего третьей четверти этого столетия. Близок к нему кувшин из захоронения 406 Танкеевки. Это погребение относится к третьей четверти X в. Оно находится на поздней части памятника и окружено мусульманскими могилами. Вещевой материал захоронения: крупная стеклянная бусина с большими округлыми многоцветными глазками, пластинчатый браслет с кружковым орнаментом, единственный в некрополе серп прогрессивной формы и горшковидный сосуд

близкий к керамике с рифлением, вероятно, относится к измерскому времени, которое начинается со второй половины 60-х годов X в. (время падения Хазарии под ударами печенегов и походов Святослава и приход новой волны болгар).

Кроме вышеотмеченного синхронизацию раннего Болгара и поздней части Танкеевского могильника подтверждает нумизматический материал. На Малоиерусалимском поселении встречены серебряные дирхемы 893-894, 907-914, 913-932 гг. (определение Г.А. Федорова-Давыдова). Близкие к ним монеты X в., 907-913, 924-932 гг. выявлены в поздних языческих погребениях Танкеевки.

Данные материалы свидетельствуют, что в округе г. Болгара (до д. Танкеевка отсюда по прямой всего 18 км) проживало языческое население, имевшее свое племенное кладбище. Между этими пунктами, несомненно, существовали связи. Сам город, скорее всего возник как политический, военный и экономический центр племени болгар. Население округа могло участвовать в строительстве г. Болгара, а жители его, как язычники, так и мусульмане, могли хоронить умерших на древнем кладбище своих предков, возникшем, как культовый центр одного из этнокультурных объединений еще в IX в.

Болгар и Сувар могли возникнуть как центры племен, где начинает проживать оседлое население, в то время как основная масса болгарских и угорских и угорских племен до второй трети X в., оставались языческими кочевниками. Доказательством этого является материал более десятка языческих некрополей с сотнями погребений.

Определенную дискуссию вызывает датировка Биляра. Не смотря на многолетние раскопки городища, на нем не отмечены материалы раннего периода. Судя по комплексам Большетиганского могильника, расположенного в 22 км от городища, по крайней мере, до начала X в. (в некрополе встречена монета 900 г.) на данной территории проживали языческие подразделения кочевых угров. Наиболее ранним памятником в округе Биляра является II Билярское селище, аналогичное по времени Измерскому и Семеновскому поселениям на Волге и Каме. Оно содержит накладки, обломки дирхемов и другие поделки, датированные не ранее последней трети X в.

Существует точка зрения, что это поселение оставлено переселенцами с Волги и Камы, где стало проживать небезопасно. Возможно, и Биляр был построен, как столица, по той же причине, в глубине болгарской территории по решению центральной власти.

О XXI И XXII ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУППАХ БОЛГАРСКОЙ КЕРАМИКИ^[8]

Н.А. Кокорина

XXI группа керамики - кыпчакская, с желто-коричневым черепком - представлена круговыми горшками, котлами крупнопесочного теста, кувшинами, кружками, корчагами, хумами, мисками мелко- и крупнопесочного теста, отделана невыразительно лощением, волной (джукетау), наколами и рифлением по горловине. Своеобразие керамике XXI группы придается котлы, хумчи, узкогорлые кувшины, тагоры, кружки с верхом в виде раструба, не известные в раннеболгарской посуде. Появилась в первой половине - середине XI в. в Биляре. Принадлежала кыпчакам-шарам, тюркоязычному населению Центрального Казахстана. Близость XXI и XIII групп (состав теста, подшаровидность форм, орнаментация) указывают на их родственные корни. Оседание части кыпчаков в Волжской Булгарии могло быть вызвано стремлением их верхушки к рынкам сбыта на Камско-Волжском торговом пути и последствиям миграции в Средней Азии и Казахстане в первой половине XI в.

Население юго-восточных истоков (IX, X, XIII, XXI групп) являлось носителем традиций гончарства Центрального и Южного Казахстана, Семиречья и севера Средней Азии и активно участвовало в формировании болгарского гончарства в X в. и особенно во второй половине XI в. Наиболее заметным является воздействие XXI группы. В рассматриваемый период большая часть ее форм и орнаментация воплотились в общеполгарской посуде.

Формирующаяся во второй половине XI - начале XIII в. общеполгарская керамика является синкретичной и складывается под воздействием двух основных традиций - юго-западной (болгаро-салтовской) и юго-восточной (огузо-кыпчакской) с преобладанием первой.

XXI группа керамики продолжает бытовать в небольшом количестве в золотоордынский период в центральных и восточных районах Закамья – Меллятамакское 1 и 3, Бикбулатовское, Билярское 3 селища, в Предкамье – Чаллычкое, Камаевское городища, Русско-Урматское селище. Керамика золотоордынского времени представлена горшками, котлами, хумообразными, кувшинами. Появление этой керамики в Казани и Чебоксарах в слоях XIV-XV вв., вероятно, связано с кыпчакскими этническими группами. В заметном количестве она выявлена в отложениях эпохи Казанского ханства на Камаевском городище и в Казани, что может объясняться длительным проживанием здесь значительных групп кыпчаков. О расселении их XIV-XV в Закамье свидетельствуют материалы памятников восточных районов Татарии (Бикбулатовское, Миллятамакское). Е. П. Казаков установил, что керамика кыпчаков соседствует здесь с посудой чияликского типа, принадлежавшего угорскому наделью, поглощенному в последствии тюркским (в основе своей кыпчакским).

Связывая первоначальное появление XXI группы в XI в. в Биляре с кыпчаками-шарами, выходцами из Центрального Казахстана (предположительно из района Сарысу и Джезказгана), нельзя соотносить всех кыпчаков изучаемых областей Волжской Булгарии

в золотоордынский период с этой группой керамики. Эти материалы только начинают выявляться, однако и то, что известно, проливает свет на генезис посуды I группы.

В связи с носителями XXI группы керамики вспомним вновь о сведениях карты братьев Пицигани 1367 г., где среди поселений Золотой Орды указан на левом берегу Камы ниже Жукотина городок Чар или Шар. Следы обитания этого населения в Закамье подтверждаются и топонимами (учитывая ротацизм с-ш в татарском языке): Русский Сарсаз Чистопольского района, Сарсаз-Тралы и Сарсаз-Гора Мензелинского района РТ и Шар-басу близ с.Талбазы Кушнаренковского р-на РБ.

XXII группа керамики - примитивно круговая, толстостенная, с грязно-серым и неравномерно обожженным, порой черным черепком, бугристой поверхностью, грубыми примесями из шамота, растительности, раковины, дресвы, иногда шлака, слюды - состоит из слабо профилированных округлых плоскодонных горшков, приземистых мисок и чашек, иногда круглодонных, без орнамента или изредка отделанных разного рода отпечатками по краю и волной по плечикам, нанесенной широкозубым гребнем. Керамика этой группы известна в разновременных отложениях Казани и отождествляется Л.С. Шавохиным с марийским населением Казанского края. В последние десятилетия она выявлена Р.Г. Фахрутдиновым на Русско-Урматском селище и Камаевском городище. Кроме того, эта посуда встречается в Болгаре, на Бальнгузском, Чаллыском 2 и Нижнемарьяновском селищах.

Наиболее полно представленная по материалам Камаевского городища, керамика XXII группы дифференцируется по комплексу признаков на четыре разновидности - подгруппы, связанные с поволжско-финскими группами мари, удмуртов, мордвы и чуваш.

ИЗ КНИГИ "РУСЬ И ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ В X-XV ВВ."^[9]

М.Д. Полубояринова

Торговыми связями и войнами не исчерпывались контакты русских и болгар. Археологические источники свидетельствуют, что в течение нескольких веков какое-то число русских постоянно жило в Волжской Болгарии, а болгары - в русских городах. Неоспоримым доказательством этого служат находки древнерусской керамики в виде отдельных фрагментов или целых форм в слое, а также в некоторых жилых комплексах Болгара и других поселений. Об этом же свидетельствуют предметы христианского культа обычного для древней Руси облика и некоторые другие предметы. Русская керамика встречена на ряде не только городских, но и сельских поселений по Волге и Каме в слоях разного времени домонгольского и золотоордынского. В таких городах, как Болгар и Джукетау, ее больше в золотоордынских слоях, а на остальной территории ее чаще находят на домонгольских поселениях. В Болгаре раскопано несколько жилищ с русской керамикой и другими вещами русского происхождения. Иконки, кресты, подвески с христианскими изображениями, лампада, обломки хоросов - все эти находки говорят о присутствии в мусульманском городе большого числа христиан, судя по вещам, выходцев именно из Руси. Об этом же свидетельствует летопись, описывая похороны в Великом городе убитого в 1229 г. Авраамия - их совершила христианская община на своем кладбище.

Тесные контакты, когда они осуществлялись мирным путем, принесли большую пользу обоим народам. А.П. Смирнов неоднократно отмечал взаимное влияние русских и болгар в области прикладного искусства, ювелирного ремесла. Сравнительный анализ предметов русского и болгарского ремесел, выяснение направления двусторонних связей еще предстоит сделать. Примеры взаимного влияния материальной культуры обоих народов умножаются по мере углубленного изучения отдельных категорий вещей и отраслей хозяйства. Ю.А. Краснов отмечает появление у волжских болгар в золотоордынский период асимметричных плужных лемехов, что он относит за счет русского влияния, так же как появление у болгар сохи в XII-XIII вв.

Если на болгарское художественное ремесло оказали влияние русские изделия, то не меньшее значение имело для русских знакомство с болгарским керамическим производством. Под его влиянием сложилось гончарное ремесло центральных районов Руси XIV-XV вв. и последующего времени. Болгарское влияние сказалось в появлении и широком распространении новых форм глиняной посуды, таких, как кувшины, кувшины-кружки, в достижении прекрасного обжига, применении для парадной посуды лощения как способа украшения поверхности. Появлению краснолощеной, а возможно, и чернолощеной русской керамики способствовало знакомство с болгарским гончарством. Первые горны для обжига такой керамики очень близки болгарским горнам.

В результате изучения на территории Волжской Болгарии находок, связанных происхождением с Русью, наметились периоды их усиленного проникновения - конец XII - начало XIII в. (до монголо-татарского нашествия) и XIV в. Эти периоды несколько различаются по составу находок. К первому, помимо рядовых вещей относятся

несколько дорогих предметов боярского убора, оплечье, княжеская вислая печать, что говорит о появлении в Болгарии богатых и знатных людей, возможно княжеских послов. В XIV в. в эпоху бурного строительства городов появляется, судя по находкам, многочисленный ремесленный люд из числа русских, владевших недорогими вещами - украшениями, христианскими реликвиями. Им принадлежал в Болгаре ряд жилищ, в то время как домонгольских русских жилищ раскопано пока по одному в Болгаре и Биляре. Жилища золотоордынского времени в Болгаре располагались в гуще ремесленных кварталов - как в основной части города, так и в заречной. Почти во всех комплексах найдены следы занятий ремеслом, главным образом черной и цветной металлургией и металлообработкой. По имеющимся данным невозможно установить, были ли они свободными или зависимыми мастерами. Безусловно, это не рабы. Свободное существование их в обычных городских жилищах, рассчитанных на семью, наземных домах или чаще в землянках и полуземлянках, состав находок, расположение жилищ в гуще болгарских – все это не позволяет считать их рабами, что впрочем, не исключает наличия в Болгаре русских рабов.

ИЗ КНИГИ "ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ"^[10]

А.П. Смирнов

История волжских булгар одна из значительных и интересных страниц нашего прошлого. Объединив многие племена среднего Поволжья, Булгарское государство сыграло немалую роль в процессе этногенеза народов Поволжья. Без знания истории волжских булгар нельзя написать историю казанских татар, чуваш, мордвы, мари, удмуртов и коми. Нельзя забывать, что волжские булгары явились основой, на которой сформировалось Казанское ханство и, наконец, история волжских булгар тесно связана с историей древней Руси, особенно с историей Владимиро-Суздальского, Рязанского и Московского княжеств.

ОБ ОСНОВАНИИ ГОСУДАРСТВА БОЛГАР НА ВОЛГЕ

Об истории Булгарского государства до X века мы знаем очень мало. Но уже в эту эпоху из всех городов выделялся Болгар, расположенный на пересечении торговых водных путей по рекам Волге и Каме и сухопутного караванного пути с востока на запад.

Уже в I тысячелетии до н. э. торговля юга и востока с севером шла или по Волге, или сухопутным путем в Закамье. В эпоху сасанидов торговые связи укрепились. Естественно, что Болгар вырос в значительной мере в связи с этим как крупный торговый центр. И совершенно естественно, что князья этого города первыми стали на путь объединения раздробленных княжеств в одно целое. Об этом торговом значении Болгара говорит и свидетельство ибн-Фадлана: «Булгарский царь налагает пошлину на товары из Хазар и Руси в размере 10 проц.».

Зависимость булгар от хазар продолжалась до третьей четверти X века. Более поздних свидетельств об этом мы не имеем.

922 год—| знаменательная дата в истории булгар. Пользуясь поддержкой халифа Муктадира, царь Альмас встал на путь окончательного объединения булгар в одно целое. Уже в то время царь Болгара являлся старшим среди многих князей. Об этом можно судить по описанию ибн-Фадлаиом встречи посольства халифа Мужтадира: «Затем, когда мы были от царя славян, к которому мы отправились, на расстоянии дня и ночи, то он послал для нашей встречи! четырех царей, которые подчинены ему, и своих братьев и детей».

О ПРИНЯТИИ ИСЛАМА

Принятие ислама булгарами имело для их государства большое значение, так как приобщило значительный круг населения к мусульманской культуре, являвшейся в то время передовой культурой Востока. Вместе с тем эта религия, как более отвечающая новому социальному строю, феодальным отношениям, должна была сыграть некоторую прогрессивную роль в тех условиях.

В X веке, в период наибольшего расцвета, Булгарское государство, являвшееся центром связей с Востоком, сумело обеспечить безопасность караванного пути в восточные страны и тогда особенно интенсивно расцвела у булгар торговля. Все источники, письменные и археологические, рисуют нам город Болгар как центр тран-

зитной торговли, в который стекались товары с востока, из Византии, с севера, с запада и от русских. Но основные торговые связи у болгар были с Востоком. Несомненно, что Арабский халифат, оказавший поддержку болгарскому царю Альмасу в борьбе против врагов, приобрел в его лице торгового агента, а арабские купцы получили возможность широко действовать в пределах царства.

О БОЛГАРЕ И БИЛЯРЕ

С начала XII века в сведениях восточных писателей происходит смешение названий Болгар и Биляр. По сведениям абу-Хамида Андалузи, переданным Ашик Мухаммедом в сочинении «Обозрение миров», скачано: «Благочестивый мусульманин назывался Бюлар и по его имени город назывался Бюларом, впоследствии с арабским изменением Болгар». У более древних авторов мы не находим этих указаний. Френ и Хвольсон считают, что названия соответствуют разстым городам', и с этим мнением приходится согласиться. Смешение названий могло произойти потому, что главная роль перешла к Биляру — Великому городу, который в XII веке выступает и по русским летописям в качестве главного города Болгарского государства.

Археологические данные говорят о меньшей роли Болгара по сравнению с Биляром в XII веке. Наслоения Болгарского городища принадлежат в основном монгольской эпохе, тогда как слой X—XII вв. в нем сравнительно невелик и вся древняя его часть характеризуется слабой насыщенностью культурными остатками. Дело в том, что в X—XII вв. бесконечные войны с русскими, заканчивавшиеся нередко сожжением города, приводили его часто в упадок. В то же время основной массив наслоения Билярского городища относится к домонгольской эпохе. Этот город, расположенный в глубине страны, находился тогда в лучших стратегических условиях, чем Болгар. Мощностъ его культурного слоя X—XII вв., свидетельствуя об интенсивности жизни в домонгольскую эпоху, и дает право предполагать, особенно в связи с данными письменных источников, что значение Биляра сохранялось вплоть до XIII века.

О ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОМ ХАРАКТЕРЕ БОЛГАРСКИХ ГОРОДОВ

Все исторические свидетельства рисуют Великие Болгары как крупный торговый центр, куда съезжались купцы из разных стран. Всю торговлю востока с севером болгары держали в своих руках и никак не желали допустить восточных купцов на север. Этим и объясняются всякие небылицы, которыми болгары запугивали своих конкурентов. «Что касается Арты, то никто туда не входит, ибо они (жители) убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле, только что они спускаются по воде и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их», — пишет Абу-Исхак-аль-Истахри аль-Фарки; то же самое мы находим у ибн-Хаукаля.

В отношении богатства и разнообразия вещественного материала Болгар является почти исключительным памятником. Это богатство — лучший показатель значения этого города, как крупного ремесленного и торгового центра феодальной Европы.

Ясно выраженный торгово-ремесленный характер болгарских городов дал основание некоторым исследователям считать их чисто торговыми и ремесленными центрами. Однако последние раскопки, при которых были найдены вещественные

следы земледелия и скотоводства, заставляют считать, что жители городов Булгарского царства, как и других раннефеодальных городов Европы, занимались в некоторой степени, наряду с ремеслами, и сельским хозяйством, разводя скот и возделывая небольшие полевые участки.

Следует заметить, что существует и другая точка зрения, прямо противоположная, отвергающая какое-либо развитие ремесла у болгар. Н.Н. Фирсов в своем исследовании об истории промышленности Поволжья пишет: «Из Болгарии шли предметы разнообразных отраслей промышленности, но болгарский ввоз на Русь не служил показателем промышленного развития Болгарии, ибо болгарский товар был не туземный, а иностранный, привозной, и своим разнообразным составом он указывал на обширность болгарского транзита. Из предметов местного болгарского производства на Русь шел хлеб, которым среднее Поволжье было очень богато». Но такая точка зрения могла возникнуть только без учета археологических источников.

О МОНГОЛЬСКОМ РАЗГРОМЕ БОЛГАРСКИХ ГОРОДОВ И СУДЬБЕ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

История золотоордынской Булгарии тесно связана с историей самой Золотой Орды. Войдя в состав нового государства, Булгария явилась одним из элементов, из которых сформировалась золотоордынская культура нижнего Поволжья. Монголы восприняли старую болгарскую культуру и культуру, принесенную с Востока. В создании городов нижнего Поволжья болгарские ремесленники сыграли большую роль.

Отношения между болгарской знатью и завоевателями по прошествии некоторого времени установились весьма тесные. Великие Болгары в XIV веке считались одним из лучших городов Золотой Орды, «золотым тронном» ее ханов. Благодаря более тесному общению Булгария в несколько большей степени подверглась ассимиляции с пришельцами, хотя этот период и не внес ничего нового в культуру болгар.

Захват волжской Булгарии монголами сопровождался разрушением всех ее важнейших городов: Биляр (Великий город), Кернек, Жукотин, Болгар, Сувар были разрушены. О взятии Жукотина вместе с Биляром сообщает Татищев. О разгроме Суvara можно судить по археологическим данным. Раскопки этого городища, произведенные в 1933-1937 гг., дали достаточно материала, позволяющего воссоздать картину взятия города. Слои, относящиеся к концу XII и к XIII веку, содержат разрушенные здания, сожженные деревянные дома и укрепления со стороны реки Утки.

Разгром Булгарии вызвал отлив населения к северу и на запад. В записях Татищева есть указание на уход болгар к русским. «Того же году пришли на Русь и просили, чтоб им дать место. Князь великий Юрий вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие».

Булгарские князья признали власть завоевателей и, как об этом можно судить по сведениям Рашид-Эддина, были пожалованы ханом Бату прежними владениями. После ухода монгольской армии «на запад князья Баян и Динеку подняли восстание. Рашид-Эддин пишет в истории монголов: «Те (Субадай с войском) дошли до города Кернека и других мест и заставили покориться. Тамошние владельцы Баян и Динеку пришли и изъявили покорность принцам; будучи пожалованы, возвратились назад, но опять восстали. Он послал Субадай-Богадура,

который и овладел их землей». Об этом факте вторичного завоевания Болгарии сообщает и Патриаршая летопись: «6749. Того же лета Батыевы Татарове взяша Болгары, иже па Волзе и на Каме».

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII-НАЧАЛЕ XIV ВВ.

Вторая половина XIII века явилась периодом экономического восстановления Болгарии. В первой половине XIV века город Болгар, не игравший в домонгольский период большой роли, пережил даже блестящую эпоху расцвета. Старые центры, как Сувар и Биляр, захирели и никогда более не достигали экономического уровня домонгольского периода. В лучшем положении были районы, находившиеся за Камой. Огромное число кладов с монетами и вещами первой половины XIV века, находимых в районе Камы, Казанки и около Болгар, прекрасно иллюстрирует это положение. Время зарытия этих кладов падает на вторую половину XIV века, когда для волжской Болгарии наступил трудный период в связи со смутами в Золотой Орде и нападениями русских князей. Из числа таких кладов следует отметить клад, найденный в дер. Ташкирмен, Лаишевского района, железную кольчугу XIV века найденную близ дер. Екатеринославки, Чистопольского р.; клад серебряных джучидских и джагатайских монет XIV века; клад из 542 монет 1310-1360 гг. с именами ханов Токтогу, Узбека, Джанибека, Берди-бека и др., чеканенных в Сарае, Болгаре, Новом Сарае, Гюлистане, Азаке; клад из 907 монет 1310—1415 гг., найденный близ д. Сосновки, Казанского р.; клад близ д. Князь-Камаево с монетами Нового Сарая 1359 г. и Гюлистана 1359-1361 гг.; клад из 652 монет XIV века близ д. Кокрят, Куйбышевского р. (там же, в двух метрах далее, расположены два погребения того же времени); клад из 669 монет 1310—1365 гг. в двух километрах от Болгара вместе с керамикой обычного типа; клад из 115 монет Джанибека, выпавший близ д. Горки; в двух километрах от селения Мошей найден клад из 1476 монет XIV века, 430 монет XIV века найдено в д. Алексеевской, серебряные монеты XIV века найдены близ села Болгары; в 1928 г. в том же селе Болгары к юго-востоку от Малого минарета А. Пичкасовым найдены 252 медных монеты, из которых 221, чеканенные в Новом Сарае, датируются первой половиной XIV века.

БОЛГАР В XIV ВЕКЕ

В XIV веке город Болгар занял то положение, какое он занимал в начальный период своей истории, в X веке, когда восточные путешественники писали о нем, что Болгар является главным торговым пунктом этого государства. Правда, значение главного торгового центра он сохранил только в отношении северных областей. На юге в это время основная экономическая роль принадлежала Сараю Берке, куда привозились ценные меха. Рубруквис отмечал: «...Из Руссии, из Москеля, из Великой Болгарии и Паскатира (т. е. Великой Венгрии), из Керписа (эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видел в наших странах, и в которые они одеваются зимою»

Не было бы ошибкой полагать, что роль Болгара сводилась к роли посредника между Закамьем и Сараем Берке. В золотоордынскую эпоху Болгар был весьма оживленным городом, куда съезжались купцы всех стран. Аль-Омари в книге «Пути взоров по государ-

ствам разных стран.» отмечал: «Купцы наших стран, говорил Номан (знакомый автору купец), не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель югорских, которые на окраине севера».

В археологическом материале прекрасно отражены эти стороны жизни города. Мы находим в Болгаре в громадном количестве и монеты, чеканенные в южных городах, и восточные вещи, среди которых обычны зеркала, сфероконические сосуды, поливную посуду. Значителен был и вывоз из Китая,— зеркала, монеты (встречаемые единицами) и селадон, изготовлявшийся из беловатой огнеупорной глины; эта керамика высокого обжига покрывалась снаружи поливой оливкового цвета различных оттенков. Встречалась и зеленая поливная керамика из Херсонеса. Известен ряд монет из Индии. В качестве более редких находок здесь встречаются западные монеты. Из Булгарии в обмен на привозимые предметы роскоши вывозились кроме мехов, составлявших основную статью экспорта, кожи, кость, скот и рабы, труд которых в эту эпоху применялся еще очень широко, о чем говорит, в частности, Плано де-Карпини. Сообщает о продаже пленных в рабство и русский летописец: в 1376 году 70 ушкуев под командой Прокофия и Смольянина взяли Кострому разбоем; а было всех разбойников две тысячи... Потом они пошли на Н. Новгород и «пришедше в Болгары и тамо полон христианский продали бесерменом Костромской и Новгородский...», а сами в насадах пошли по Волге на низ...

Широкие торговые связи определили несколько интернациональный характер города Болгара. Нам известна армянская колония, возникшая здесь еще до эпохи монгольского завоевания. Центром ее являлась «Греческая палата», находившаяся на запад от городища и представляющая развалины христианской церкви. К этому же времени относится ряд армянских надгробий 784, 770 и 757 гг. армянского летоисчисления (XIV век н. э.).

В Болгаре проживали и русские, не составляя впрочем отдельной колонии, а живя в массе городского населения. Раскопки последних лет открыли в ремесленном квартале города отдельные дома, принадлежавшие, судя по керамике курганного типа, выходцам из Руси.

Мы плохо знаем внутреннюю историю золотоордынской Булгарии. Этот период для нас еще более темен, чем эпоха X—XII вв. Булгарские князья пользовались своими уделами и были подчинены непосредственно самой Золотой Орде. Весьма возможно, что этот порядок установлен после Менгу-Тимура.

На короткое время в XIV веке вырастает значение Биляра, где начали чеканить монету. Однако, у нас нет никаких данных, ни исторических, ни археологических, чтобы говорить о продолжительном оживлении города в XIV веке. Вероятно это был временный подъем. Значительно лучше обстояло дело в Болгаре, где монета чеканилась с 1240 до 1420 года. Чеканка монеты в этом пункте показывает, что Болгар был одним из крупных феодальных центров Булгарии.

ОБ УНИКАЛЬНОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА БОЛГАРА

Булгарское царство было одним из немногих государств средневековой Европы, в котором в наиболее короткий срок создались условия для высокого развития ремесленного производства в ряде отраслей.

И это не было случайностью. Не нужно забывать, что город Болгары являлся крупнейшим торговым транзитным пунктом в передвижении товаров с востока на северо-запад. Здесь не только продавали меха и получали за них привозимые с Востока предметы роскоши, но и сами производили предметы роскоши в большом количестве. Не случайно на территории болгарских городов собраны крупнейшие коллекции самых разнородных предметов, значительная часть которых специально изготовлялась для вывоза в соседние государства и области.

В отношении богатства и разнообразия вещественного материала город Болгары является почти исключительным памятником. Его богатство — лучшее свидетельство крупного ремесленно-торгового значения этого города. Это не только суждение историков, изучавших Болгары по прошествии тысячелетия, но такое же впечатление богатства и большой культурности города Болгара получали и современники: «Рече Добрына Володимеру: съглядах колодник, оже суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти, пойдем искать лапотников». В этих словах русской летописи звучит явное признание высокого культурного уровня болгар.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Итак, мы можем сделать следующие выводы. В доболгарскую эпоху в области ремесла выделились только кузнецы, являвшиеся одновременно и литейщиками несложных украшений, остальные производства остановились на стадии домашнего мастерства. С X века замечается дальнейшая дифференциация ремесленников. К этому времени, в связи с усложнением кузнечного дела, происходит его новое разделение. Добыванием и выплавкой руды стали заниматься крючники, а из массы черных кузнецов выделились оружейники, которые с самого начала обслуживали интересы феодальной верхушки. Черные кузнецы изготовляли лемехи, топоры, косы, мотыги, тесла, гвозди; оружейники занимались приготовлением оружия; из них, может быть, следует выделить кольчужников.

Группа ювелиров была сильно дифференцирована. Золотые и серебряные вещи высокой техники встречаются начиная с X века. К XIV-XV вв. относится богатейший клад Джукетау, вещи которого представляют шедевр ювелирной техники.

В числе ремесленников мы находим в болгарских городах и плотников, труд которых стал необходимым при постройке укреплений, княжеских замков и более пышных жилищ. Возникла потребность в сапожниках и портных, появились также резчики по камню и по кости.

Однако было бы ошибкой равнять по значению все ремесла. Широко были развиты обработка металлов, дерева, кости, и значительно меньше камнетесное и гончарное дело. Продукция гончаров не имела особенно большого распространения, так как наряду с посудой, изготовляемой ремесленниками, в быту широко применялась посуда, сделанная от руки. К сожалению, мы не можем сказать, как обстояло дело в деревне, существовали там гончары или нет, или деревня довольствовалась только посудой, приготовленной домашним способом. Материалы памятников из района Самарской луки, исследованные В. В. Гольмстен, показывают, что посуда, изготовленная на круге, всегда существовала одновременно с посудой, сделанной от руки, а это говорит как будто бы за то, что и деревня знала гончаров.

Продукция золотых дел мастеров, несомненно, имела ограниченное распространение. Характер материала и количество находимых драгоценных вещей говорит за это. Портные, о которых упоминает ибн-Фадлан, по-видимому, обслуживали только высшие круги общества. Несколько железных ножниц, да костяных игольников — слишком небольшой материал, чтобы на основе его можно было судить о развитии этой отрасли производства.

Хорошо датируемые изделия ремесленников говорят о том, что X век был началом ремесленной дифференциации. В это время произошло одно важное событие — заключение договора с халифатом, о чем говорит ибн-Фадлан, участник посольства багдадского халифа к болгарскому царю Альмасу. Ибн-Фадлан в своем сообщении упоминает и о просьбе болгарского царя прислать ему знающих ремесла людей. «Когда письмо Альмаса ибн-Шальки Балтавара царя словян прибыло к повелителю верных Муктадир Биллахи, в котором (письме) он просит халифа о сооружении крепости, в которой бы он защищался от царей противников, то на все это он, халиф, согласился». Просьба о присылке мастеров-строителей была, по-видимому, исполнена. Раскопки на Билярском и Суварском городищах подтверждают это. Кем, как не приезжими мастерами могли быть выстроены там здания техническими приемами, применявшимися в Средней Азии и из кирпичей среднеазиатского типа?

В одном месте ибн-Фадлан пишет: «...Я зашел с портным царя, который был из Багдада, в мою палатку, чтобы побеседовать, и мы остались и беседовали около получаса, ожидая призыва к ночной молитве...». В этом кратком отрывке прямо указывается, что портной был из Багдада, причем по содержанию разговора видно, что портной находился в Болгаре еще до приезда посольства. А если это так, то очевидно, что ремесленники с Востока приезжали в Болгар и раньше. Это не означает, что там не было своих ремесленников. Местное ремесло, как было выше отмечено, дифференцировалось с X века и не под влиянием Востока, а в связи с развитием самого Болгарского государства.

Культура городского населения того времени не была однородной. Раскопки показывают сильное имущественное расслоение.

Основными центрами торговли и ремесленной жизни Болгарского государства являлись города Болгар, Биляр и Сувар. Археологический материал целиком подтверждает сообщения арабов о торговом значении этих городов и их богатстве. Раскопки Болгара дали большое количество ремесленных изделий местного производства и привозных вещей, равно как и раскопки Биляра. Сувар, к сожалению, не может быть охарактеризован так полно, хотя и он давно стал известен в археологической литературе. Однако раскопки 1933-1937 гг. все же дали представление о характере культурного слоя и этого города, о размерах укреплений, о пригороде, растянувшемся на 4 км. Все это позволяет считать Сувар одним из центров ремесленной и торговой жизни страны.

Определение районов сбыта продукции городов может быть сделано путем изучения географического расположения мест, где были найдены украшения болгарского производства. Если распределить по такому признаку известные нам украшения, часть которых, к сожалению, не имеет точных паспортов, то мы узнаем, что большинство находок было сделано на территории, очерченной радиусом около пятиде-

сяти километров вокруг Болгара и Биляра. Хотя небольшая часть таких вещей была найдена в других местах, удаленных на сотни километров от центров ремесленной жизни Булгарии, это не изменяет общей картины.

Города Болгар и Биляр являлись не только местными центрами торговой жизни и ремесленного производства, но и крупными транзитными пунктами. Изделия болгарских ремесленников были известны на Чепце, на верхней Каме и на Вычегде. Булгары всю торговлю с севером крепко держали в своих руках и не допускали туда арабов. Булгарские князья выдумывали для арабов всякие небылицы, пугали жестокостью северных жителей: «Что же касается Арты, то никто туда не входит, ибо они (жители) убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле, только они опускаются по воде, и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их». Эта выдумка была определенно рассчитана на то, чтобы запугать восточных купцов.

Для того, чтобы сказать, как были организованы болгарские ремесленники, у нас нет достаточного материала, хотя косвенные данные все же позволяют говорить о наличии ремесленных организаций. Письменные документы отсутствуют, а археологические находки недостаточны, чтобы можно было окончательно разрешить этот вопрос.

Материалы из Болгара, Биляра и Суvara очень мало говорят о планировке этих городов в разные эпохи. Правда, изучение Болгара позволило наметить отдельные кварталы, где были сосредоточены различные производства, но эти кварталы обследованы еще недостаточно. Аналогичную картину дает и Сувар. При исследовании его городища было замечено, что шлаки и куски руды встречаются только на определенных участках, точно так же, как и керамические остатки. По-видимому, ремесленники Булгарского царства селились по кварталам, как это было вообще обычным для средневековых городов. Такую, например, картину мы можем наблюдать в средневековой Москве, в Новгороде, в городах Западной Европы. Это одно уже заставляет предполагать существование и в болгарских городах каких-то организаций ремесленников.

ВЫВОДЫ О ХАРАКТЕРЕ И ДАТИРОВКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА И КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТОВАНИЙ БОЛГАРА

Все исследования, производившиеся на территории городища Болгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Коллекции, собранные на площади этого городища, резко отличаются от предметов из Биляра и Суvara, и это давало основание археологам датировать Болгары более поздним временем по сравнению с Биляром.

Многовековые наслоения за длительное время жизни города нарушили на большом пространстве более древние напластования. Поэтому в слоях XIII—XIV вв. (4-й слой) находятся иногда вещи более раннего времени, а в нижних слоях X—XI вв. (6-й слой) встречаются предметы позднейших эпох.

Незначительные раскопки досоветского периода, производившиеся на этой территории, не дали указаний на существование здесь домонгольского слоя. В. Ф. Смолин тогда отметил: «Напрасно на его территории мы стали бы искать следов болгарской архитектуры более древнего времени. По крайней мере до сего времени их найдено по-видимому не было, и описываемые развалины являются памятником камско-волжской Булгарии татарской эпохи.

Те же выводы могли быть сделаны и по материалу, полученному работами П. И. Кротова и А. А. Штукенберга, которые производились в конце XIX столетия. Более крупные раскопки 1912 года П. И. Кротова и М. М. Хомякова коснулись развалин зданий и Бабьего бугра. В 1914 году раскопки вел С. И. Покровский при участии архитектора Покрышкина к северо-западу от Малого минарета. Стратиграфия слоев на месте раскопок была следующей: под тонким черноземным растительным покровом лежал слой строительного мусора, ниже его второй слой, состоявший из чернозема и суглинка, внизу — суглинок. Заложенный за пределами раскопа контрольный шурф дал аналогичные слои: растительный (рыхлый) — культурный — тина — материковый песок.

Полученный вещевой материал состоял из архитектурных обломков и бытовых вещей. Первые относились к XIV веку, вторые состояли из простой и поливной керамики золотоордынского времени¹⁰⁷, обломков китайского фарфора-селадона, датируемого XII—XIV вв., и трех¹⁰⁸ железных вещей (в погребениях) того же золотоордынского времени. Все сохранившиеся архитектурные памятники также датировались XIII — XIV вв. Только исследования последних лет доказали значительно более раннее существование города Болгар а и выяснили, что расцвет его относится к XIII—XIV вв.

Археологические работы нашего времени вполне точно доказали, что город существовал с IX века, но занимал вначале небольшое пространство, как об этом говорят и арабские источники (Эль-Балхи, Эль-Бекри). Неоднократно разоряемый в X-XI вв., он уступил в XII веке свое место новой столице Булгарского царства Великому городу — Биляру. Период XIII-XIV вв. был периодом вторичного расцвета Болгара. Недаром Фергат-Нано называл его тогда «золотым городом» — Алтун-тахт.

О СТОЛИЦЕ ГОСУДАРСТВА ВОЛЖСКИХ БОЛГАР^[11]

А.П. Смирнов

Вопрос о столице государства волжских булгар со времени Френа был решен достаточно убедительно и до самого последнего времени не подвергался пересмотру. Все исторические сведения: записка ибн-Фадлана, другие свидетельства восточных авторов, русская летопись и нумизматические данные не оставляли сомнения в том, что городище Болгары, расположенное у г. Куйбышева ТАССР, является руинами столицы Булгарского государства. Позднее С. М. Шпилевский пришел к выводу, что в XII в. столицей волжских булгар был город Биляр. Эта точка зрения получила всеобщее признание.

В последние годы начались большие исследования Билярского городища, известного в русских летописях под именем «Великого города». Некоторые исследователи считают сейчас, что столицей волжских булгар был Биляр. А.Х. Халиков пишет, что о Биляре как «столице Волжской Болгарии сообщил в 985 г. арабский географ Мукадесси, писавший, что город занимал оба берега реки (Билярки или Черемшана)» В более поздней отчетной статье о раскопках 1970 г. А.Х. Халиков называет Биляр столицей Волжской Болгарии X-начала XIII в. Эта точка зрения получила в последнее время признание среди историков Казани. Однако если обратиться к источникам, то это новое мнение не получает никаких подтверждений.

Археологические данные не оставляют сомнения в существовании города с дубовыми стенами и домами из соснового дерева. В слоях X в. прослежено поселение с густо заселенными центральными кварталами, где выявлены каменные постройки. К X в. относится и ряд деревянных домов с глинобитными печами, с трубами для вывода дыма, а также значительное число хозяйственных сооружений. Уже тогда существовали ремесленные кварталы. Были исследованы сыродутные горны, мастерские кузнецов и резчиков по кости. Наряду с этим у Голанского озера, в районе гончарной слободы, датируемой золотоордынской эпохой, были открыты остатки круглых построек, по-видимому юрт, относящихся к началу X, может быть, и IX в. Эта часть городища представляла окраины города XIII-XIV вв.

Восточные авторы, писавшие о Болгаре после ибн-Фадлана, отмечают его в числе городов. Так, у эль-Балхи сказано: «Кунба (Киев) больше Булгара». Ибн-Хаукаль пишет: «Булгар — небольшой город, не имеет большой территории. Он был некогда знаменит, так как был складочным местом торговли тамошнего государства, но русские разрушили его в 358 г.» (968, 969). Имеющиеся данные не оставляют сомнения в том, что Булгар был центром государства, его столицей.

О Биляре восточные источники ничего не говорят. Под этим именем он остался неизвестен и русским авторам. Это обстоятельство делает сомнительным утверждение А.Х. Халикова о большой роли этого города в политической жизни края в X в. В своей статье «Биляр Великий» он пишет: «До сих пор среди казанских татар и других народов Среднего Поволжья и Приуралья можно услышать интересные легенды и предания, повествующие о городе Бюляре - Биляре, известном в летописях под име-

нем Великого города, древней столицы Волжской Болгарии, Одна из легенд, записанная еще в XVIII в. Рычковым, рассказывает о том, что город исстари принадлежал булгарам и был одним из первенствующих городов их государства... В обширном городе, застроенном каменными, кирпичными и деревянными домами и обнесенном высокими валами, с дубовыми стенами, жило будто бы более 50000 человек. Говорят также, что этот цветущий город жестоко разрушил Аксак Тимур и жителей привел он в крайнюю нищету. С тех пор Бюляр перестал существовать, а оставшиеся в живых люди бежали за Кему и построили Казань». О преданиях, записанных П. И. Рычковым, сообщает и С. М. Шпилевский, правда не упоминая 50000 жителей — число, явно не верное. Татарские предания приписывают разрушение болгарских городов, в том числе Булгара и Биляра, Аксак Тимуру, чему противоречат данные нумизматики. Известны монеты, чеканенные в Булгаре в 30-х годах XV в.

Как видно из описания ибн-Фадлана, город Булгар находился на расстоянии одного фарсанга от Волги. Точно так же ему был близок расположенный у устья Меленки рынок с пристанью, куда прибывали купцы. Куйбышевской экспедицией исследован древний поселок, в котором нижние слои хорошо датированы домонгольским временем. Там были открыты полуземлянка и святилище. Описание этого торжища имеется у ибн-Фадлана. Наконец следует отметить упоминаемое ибн-Фадланом урочище «Три озера», «Между этим местом и их огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой рекой Атыл (расстояние), около фарсанга». Урочище «Три Озера», по которому называется п село, расположено от Булгара на расстоянии около 7 км, а от Волги, там где находится торжище, тоже около 7 км, т. е. одного фарсанга. Все это не оставляет сомнения, что столица государства волжских булгар помещалась на месте села Болгары, где сохранялись развалины крупного болгарского города, хорошо датированные временем от X до начала XV в. Этот богатый город, имевший огромное значение в экономике края, неоднократно привлекал к себе внимание русской феодальной знати. Его разрушили в 968-969 гг. Археологические данные позволяют утверждать, что в домонгольскую эпоху город неоднократно горел. Самый большой пожар связан с погромом Батыя.

Как можно судить по летописному свидетельству 1183 г., Великим городом русские называли город на р. Черемшане. Это и служит доказательством сопоставления Великого города и Биляра. Под 1164 г. русская летопись отмечает поражение булгар («князь же Болгарьскы в мало утече до Великого города»). Отмечает летопись Великий город и при описании разгрома Ошеля. Под 1229 г. о нем известно в связи с событиями, связанными с убийством Авраамия. Великий город отмечен и при описании трагических событий 1236 г. Позднее Великий город не упоминается. Для золотоордынского времени термин «Великий» переходит к городу Булгар. Так, например, под 1395 г. упоминаются «Болгары Великие». Однако город Биляр продолжал существовать, правда не играя такой большой роли. О перенесении столицы из Булгара в Биляр косвенно можно судить по сообщениям восточных писателей, когда происходит смешение понятий «Булгар» и «Биляр». По сведениям абу-Хамида Андалузи, переданным Аашк Мухаммедом в сочинении «Обозрение миров», сказано: «Благочестивый мусульманин назывался Бюляр и по его имени город назывался Бюляром, впоследствии с арабским изменением Булгар». Френ и Хвольсон считали,

что эти названия соответствуют разным городам. Смешение названий могло произойти в связи с переходом столицы в Биляр — Великий город русских летописей .

Письменные сведения датируют город Биляр домонгольским временем Однако археологический и нумизматический материал заставляет расширить хронологические рамки. А. С. Башкиров нашел слои золотоордынского времени. Им не было установлено наличие стерильного слоя, который бы свидетельствовал о периоде запустения. После событий 1236 г. город оправился, и жизнь в нем продолжалась. А. С. Башкиров отмечал, что поздние слои незначительны и бедны находками. По-видимому, в это время были реконструированы старые укрепления, которые, как отмечено исследователем, не охватили всей прежней территории. Наиболее интересные находки и открытые постройки, как отмечено в отчете, относятся к домонгольскому времени. Однако нельзя считать Биляр XIII—XIV вв. небольшим захолустным городом. Известно, правда, немного монет, которые довольно хорошо укладываются в рамки конца XIII— начала XIV в. Одна из монет отмечена С. М. Шпилевским по публикации Березина; чеканена в 1293 г. За последние годы при работах Куйбышевской археологической экспедиция был обнаружен ряд монет, чеканенных в Биляре. Они определены и опубликованы С. А. Яниной (чекан 1291, 1292, 1293 , 1280, 1310, 1290, 1292 гг.). Этот нумизматический материал свидетельствует о возрождении города. Весьма возможно, что в это время большую роль стали играть не только Болгары и Жукотин, но и возродившийся Биляр. Князь Жукотинские самостоятельно ходили в Орду минуя болгарского князя, что косвенно свидетельствует об их самостоятельности. Судя по чеканке монет, можно предполагать и некоторую самостоятельность Биляра. Однако нет никаких оснований считать этот город в XIII—XIV вв. столицей Болгарского государства. Позднее, как можно судить по татарским преданиям, в XV в. в Бюляре правил царь Балынь-Гозя современник Сафа-Гирея. Царь похоронен в Биляре и над ним был построен мавзолей . По-видимому, до самого конца существования Казанского ханства Биляр сохранял значение одного из феодальных центров.

Все документы, которыми располагает историческая наука, заставляют признать столицей Болгарского государства X-XI вв. город Булгар. В XII в. столицей стал Бшгяр. Великий город. В XIII-XIV - начале XV в. столицей снова стал Булгар, известный для этого времени под именем «Болгары Великие». У нас нет никаких данных полагать, что в эпоху Казанского ханства на этом месте был феодальный центр. Судя по наличию незначительных площадей культурного слоя, жизнь там теплилась. По-видимому, он существовал только как религиозный центр.

РАННЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ
МАЛОГО ИЕРУСАЛИМСКОГО ОВРАГА^[12]

П.Н. Старостин

Для датировки ранних напластований памятника представляют интерес каменная форма из серого известняка для отливки лучевых привесок, найденная в слое коричневатого песка, который перекрывает слой жилищного котлована. Аналогичная форма происходит из из погребений Черемисского кладбища. На данном памятнике она входила в комплекс, включающий височную калачевидную серьгу. Близкая серьга происходит из Рябиновского клада, в котором были диргеи, поздние из которых чеканены в 968 и 978 гг. Это позволяет говорить о том, что заполнение нашего жилища и слой голубоватого песка относится не к концу X в., а чуть раньше. В то же время при датировке данного поселения нельзя не учитывать особенности материала селища на левом берегу Малого Иерусалимского оврага, раскопки которого производились в 1988 г., 1990 и 1991 гг. Материалы этого поселения согласно монетным находкам датируются первой третью X в. и отличаются от ранних напластований правого берега Малого Иерусалимского оврага. Расстояние между поселениями 15-20 м. Поэтому можно относить рассматриваемое селище к середине X столетия.

О СТОЛИЦЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ^[13]

А.Х. Халиков

В последнее время в связи с началом широких исследований на Билярском городище — археологических остатках Великого города домонгольской Булгарии — наметилась дискуссия по вопросу о столице домонгольской Булгарии. Так, А. П. Смирнов и поддерживающие его Т. А. Хлебникова и Р. Г. Фахрутдинов продолжают отстаивать старую точку зрения о том, что в X—XI вв. столицей Булгарии был город Булгар на Волге, а в XII — начале XIII в. — город (Булар, Буляр) на р. М. Черемшан.

Изучение совокупности археологических и письменных источников позволяет утверждать, что уже с X в, вероятно с 922 г., столицей Волжской Булгарии был Великий город на р. М. Черемшан, называвшийся в X—XIII вв. одновременно и городом Булгаром. Остатки этого города, известные под именем Билярского городища, располагаются на левом берегу р. М. Черемшан в Алексеевской районе Татарской АССР, примерно в географическом центре Волжской Булгарии. Один из первых его последователей — Н. Рычков заметил, что «Билярск с окрестностями можно почесть за средину царства Казанского и всея Татари».

С 1967 г. объединенная археологическая экспедиция Казанского университета и Казанского института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова начала систематические исследования Билярского комплекса. К этим работам в последующем присоединились Болгарский историко-архитектурный заповедник и Казанские специальные научно-реставрационные мастерские. До 1970 г. работы носили ограниченный характер, в 1971 г. в связи с решением Совета Министров Татарской АССР археологические исследования были значительно расширены.

За пять лет на всей территории городища было заложено 18 раскопов, в том числе раскопы V, VIII, XVII в пределах внутреннего города; раскопы I, II, III, IV, VII, XV, XVI, XVIII в пределах внешнего города; раскопы VI, XIII на линии внешних укреплений и раскопы IX, X, XI, XII. XIV на территории одного из билярских кладбищ за пределами города. Наиболее обширными оказались раскопы XVI и XVII, где изучались остатки двух крупных кирпичных сооружений — зданий гражданского характера.

Раскопки показали, что почти повсеместно на территории городища, в пределах как внутреннего, так и внешнего города, стратиграфически выделяется один слой (темно-серая супесь), относящийся к домонгольскому времени. Этот слой подстилается на всей территории городища погребенной почвой (темно-коричневый суглинок), верхний горизонт которого содержит относительно немногочисленные культурные остатки и следы строительного мусора, показывающие, что здесь шел процесс образования культурного слоя. В этом горизонте или непосредственно на нем лежат строительные слои зданий, вскрытых в раскопах XVI и XVII. Стерильный коричневый суглинок подстилает и насыпи валов внутреннего и первой линии обороны внешнего города.

В основании культурного слоя в пределах как внутреннего, так и внешнего города выявлены керамические комплексы IX—X вв. Они включают в себя следующие группы керамики: 1) лепная округлодонная посуда с примесью толченых раковин (рис. 3, 1); 2) лепная горшковидная посуда со слабо профилированным горлом, венчик которого орнаментирован насечками, защипами или пальчатыми вдавлениями, а тесто имеет шамотную примесь; 3) близкая к лепной горшковидная посуда с отогнутым краем горла, венчик которого украшен насечками, а тулово — многорядными горизонтальными линиями в сочетании с волной (рис. 3, 2); преобладает керамика с мелкошамотной примесью в тесте, но есть и с примесью песка; эти сосуды нередко сопровождаются массивными лепными крышками с пестикообразными ручками (рис. 3, 2); 4) гончарная горшковидная и кувшинообразная посуда с органической примесью в тесте и ленточно-волнистым орнаментом по тулову (рис. 3, 3).

Рис. 3. Основные типы лепной и близкой к лепной керамики из Билярского городища

Сосуды первого типа в массовом виде появляются в материалах Танкеевского могильника и затем широко бытуют в домонгольских болгарских памятниках. Исследователи справедливо увязывают этот тип посуды с керамикой ломоватовского круга памятников второй половины I тысячелетия. Для билярских сосудов характерна орнаментация их тулова двойным зигзагом из гребенчатых оттисков, что говорит об их относительно раннем бытовании — не позднее X в.

Второй тип сосудов, выявленный впервые на Мало-Пальцинском селище IX—X вв., известен под именем пальдинского. Он встречается еще в комплексах Больше-Тарханского могильника и позже X в., очевидно, не бытует. На Билярском городище он встречается как во внутреннем (раскопы V, XVII), так и во внешнем

(раскопы IV, XV—XVI) городе, во в ограниченном числе — меньше, чем все остальные типы сосудов.

Третий тип включает широко распространенные в VIII — начале X в. горшковидные сосуды так называемого салтово-маяцкого типа. Они известны в памятниках Приазовья и Подонья VIII—X вв., дунайской Болгарии VIII—IX вв. и Северного

Кавказа IX—X вв. т. е. в районах, где были сосредоточены болгарские племена. Для биярской керамики характерно преобладание сосудов с примесью шамота, что, по С.А. Плетневой, свойственно керамике северных (лесостепных) районов распространения болгарских племен, но встречается и керамика с примесью песка, характерная для южноболгарских племен.

Описанный тип посуды найден почти во всех раскопах Бнярского городища, что свидетельствует о широком его распространении у первых жителей города. Почти повсеместно с этим типом встречаются изготовленные из шамотного теста крышки с пестиковидными ручками. Такие крышки, судя по материалам Мало-Пальцинского селища²⁶, характерны для IX—X вв.

Все изложенное позволяет утверждать, что образование раннего слоя почти на всей территории Биярского городища началось не позднее первой половины X в., скорее в первой ее четверти, ибо многие керамические традиции уводят нас в IX и рубеж IX—X вв. Об этом же свидетельствуют и отдельные находки, обнаруженные в нижних горизонтах слоя и некоторых раскопах, а также предметы IX—X вв., сосредоточенные в старых коллекциях из Биярского городища. На ряд из них в свое время обратил внимание и А.П. Смирнов. Кроме отмеченных им предметов мы можем датировать временем не позже рубежа IX—X вв. накладки и пряжки с бордюром из круглых выпуклин по краям, они характерны для культуры венгров «периода завоевания родины», так же как и фигурные сегментовидные подвески и накладки с гравированным растительным орнаментом. Для венгерско-норманских древностей рубежа IX—X вв. характерны крупные подромбической формы пластинчатые накладки-амулеты с фигурным выступом посередине. Многочисленные вещи, имеющие параллели в прикамско-приуральских памятниках IX—X вв. и в Танкеевском могильнике, шумящие подвески с коньковыми щитками, подвески с арочными щитками, ложные гребешки с коньковыми щитками, бронзовые восьмигранные браслеты с кружковым орнаментом, круглая ажурная подвеска с выступами по краям и т. п. В мордовских древностях IX в. следует искать параллели подвеске с прямоугольным щитком. Наконец, целая группа предметов имеет аналогии в салтовских древностях IX—X вв.; колчаные крючки с подвижными одинарными или неподвижными двойными крючками, завершенными лошадиными мордами медные кольца-бляхи с тремя отверстиями для продевания ремней; крупная дуговидная подвеска, аналогичная подвеске из кочевнического комплекса из с. Лапас Астраханской области, и т.п.

Рубежом IX—X вв., IX или X в. датируются также многочисленные пастовые глазчатые, стеклянные с металлической прокладкой, граненые янтарные бусы, широко представленные в биярских собраниях. Здесь же значительную группу составляют железные наконечники стрел, датированные А.Ф. Медведевым концом IX и первой половиной X в. (см. типы 15-25, 30-15, 30-38, 30-41, 30-62 и др.). Все эти предметы свидетельствуют о том, что Биярское городище возникло не позже первой половины X в. и в X—XI вв. оно уже жило полнокровной жизнью.

В это время, т. е. не позже X в., на территории городища, охватывающего огромную площадь (около 560 га), в пределах внутренней линии валов внешнего города, строятся кирпичные здания, возникают ремесленные посады, начинают функционировать кладбища. В 1969—1971 гг. во внутреннем (раскоп XVII) и внешнем (раскоп

XVI) городах исследованы остатки двух кирпичных зданий, возведенных не позже X в. В их строительстве, очевидно, принимали участие хорасанские мастера. Эти здания были сооружены из крупномерного квадратного жженого кирпича со стороной в 26-27 см на илесто-глинистом растворе. Кладка ровная, без какого-либо фигурного декора. В планировке и некоторых конструктивных деталях, в частности в оформлении входной стены пилястрами, наблюдаются ближайшие параллели архитектуре Багдада (см. Ухайдир и др.) и Хорасана VIII—X вв., а также суварскому зданию первого строительного горизонта (X в.) Это постройки досельджукской архитектуры, т.е. времени не позже X в., ибо в XI—XII вв. происходит резкое изменение и строительной техники и архитектуры построек мусульманского мира.

К X в. также следует, по мнению Е.А. Халиковой, отнести начало функционирования двух исследованных кладбищ во внешнем городе — у «караван-сарая» (раскоп XV) и за р. Биляркой (раскоп XVIII). В этих могильниках отмечается еще не устоявшийся мусульманский обряд захоронения с реликтами язычества, что характерно для мусульманских погребений X—XI вв. таких широко исследованных раннебулгарских могильников, как Танкеевский и Тетюшский. Наконец, с территории Билярского городища происходят два клада куфических монет IX—X вв. Позднейшие монеты из этих кладов были чеканены в 906 г. Оба клада, очевидно, были зарыты не позже первой четверти X в.

Итак, археологические материалы не оставляют сомнения в том, что Бнлярское городище возникает не позже X в. и скорее всего не позже первой четверти этого столетия. Оно возникает на обширной площади и уже в X—XI вв. становится крупнейшим городом Волжской Булгарии. Следует отметить, что его площадь в X—XI вв. (560 га) в 25 раз превышает площадь домонгольского Болгарского городища. Последнее в X—XII вв. занимало лишь мыс, образованный обрывом к р. Миленке и Иерусалимским оврагом, причем древние укрепления находились всего лишь на расстоянии 250—300 м от оконечности мыса. Но даже если предполагать, что культурный слой домонгольского времени на Болгарском городище распространялся до района Черной палаты, то и в этом случае площадь Болгарского городища, где по предположению А. П. Смирнова, в X—XI вв. располагалась столица Волжской Булгарии, не превышает 25-30 га. Между прочим, А. П. Смирнов в последней статье заявляет, что г. Булгар в домонгольское время имел «огромное значение в экономике края», тогда как в статье, опубликованной в 1970 г., он писал, что «в домонгольскую эпоху г. Булгар не играл большой роли в экономике края». Явное преувеличение также в словах А. П. Смирнова о том, что на Болгарском городище «в слоях X в. прослежено поселение с густо заселенными центральными кварталами, где выявлены каменные постройки». На Болгарском городище более чем за 30-летний период его исследования четко выявлен домонгольский слой, но почти ни в одной публикации не отмечается наличие каких-либо крупных построек, связанных с его нижним горизонтом". Как правильно писал в свое время А. П. Смирнов, «первоначально город Булгар не имел большой территории и был лишь небольшим торговым пунктом» .

Один из крупнейших арабских географов первой половины X в. Эль-Валхи (умер в 934 г.) уже отмечает наличие у булгар нескольких городов: «Булгар — имя страны,

жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город Сивар, где также находится главная мечеть» Существование в Булгарии в 30-е годы X в. двух соперничавших городов Булгара и Суvara показывают и нумизматические материалы. Местоположение второго города — Суvara не вызывает сомнения. Его остатки расположены на р. Утке у с. Кузнечиха Татарской АССР. Под первым городом большинство исследователей подразумевала Булгар на Волге. Но мало кто из них обратил внимание на последующее замечание Эль-Балхи: «Внешний Булгар маленький город, не занимающий большого пространства, и известен только тем, что он важнейший торговый пункт этого государства». Таким образом, Эль-Балхи, а вслед за ним и его компиляторы середины X в. Истахри (940—943 гг.) и Ибн-Хаукаль (970 г.) практически отмечают для первой половины и середины X в. в центре Булгарии три города — Сувар и два Булгара, из которых один (внутренний) был столицей, а другой, маленький (внешний)—торговой пристанью страны. Последний, по сообщению Ибн-Хаукаля в 358 (969) г., был ограблен и разрушен русами (очевидно, в 965 г. Святославом) и, как полагает А. П. Смирнов, пришел в упадок. Но, несмотря на это, до конца X в. в Булгарии, очевидно, сохранялись два города под названием Булгар — один из них был столицей, а другой, расположенный у Итиля — торговой пристанью. Это мы видим из сообщения Мукадесси (985 г.), который пишет, что один из Булгаров (скорее всего на р. Черемшан) «лежит на одном берегу другой реки», а другой «Булгар лежит у реки Итиля и находится ближе к морю, чем к столице» (С.М. Шпилевский последнюю фразу, опираясь на перевод Н.Ф. Готвальда, читает: «ближе к морю, чем столица»). Затем Мукадесси добавляет, что первый город больше обоих других городов, т. е. Булгара на Итиле и Суvara. Если это так, то в X в. столица Булгарии, очевидно, носила название Булгара, но находилась в некотором удалении от Итиля. С XI в. Булгар на р. Итиле был переименован в город Ибрагим (или Брахимов русских летописей и Казанской истории). Хотя первое упоминание о Брахимове в русских летописях относится к 1164 г., но имя ему (город Ибрагим), очевидно, было присвоено еще в начале XI в., когда в Булгарии правил эмир Ибрахим (Абу Исхак Ибрахим Ибн-Мухаммад), при котором в 1024-025 гг., по сообщению Бейхаки, были посланы деньги на строительство соборных мечетей в городах Хорасана.

Булгар на Черемшане, будучи стольным городом, с самого начала воспринимает и эпитет «великий», что также было традиционным для булгар, вспомним «Великий Преслав» и дунайских булгар, «Великий Булгар» золотоордынского времени и т. п. Очевидно, в значении «великий» и «знатный» и следует понимать название «Билар» — «Балар», сохранившееся до наших дней в названии Биляра. В такой трактовке воспринимал это слово в свое время Н. И. Золотницкий. Но еще раньше, в середине XI в, булгарский историк Нугман, написавший «Историю булгар» отрывки из которой дошли до нас в передаче Закария Казвини и аль-Гарнати, сообщал интересную версию происхождения имени «Билара» — «Балара» — «Булгара». Начало отождествления Билара — Булгара, очевидно, относится к первой половине X в., ко времени борьбы булгар с хазарами за свою независимость и ко времени массового принятия булгарами мусульманской религии. Аль-Гарнати, ссылаясь на историю

Нугмана, пишет: «А смысл слова булгар — ученый человек. Дело в том, что один из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился у них недуг, так что они оба стали опасаться смерти (см. сообщение Ибн-Фадлапа о просьбе царя Алмуша прислать ему лекарства). И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?» Оба они сказали: «Да». Он их лечил и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь хазар во главе большого войска, и сражался с ними... и сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство... А ученый (по Казвини — вышеотмеченный человек) у них называется «Балар» (по Казвини — «Биляр» или «Бюлар»), поэтому называли эту страну (по Казвини — город) «Балар» (по Казвини — Бюлар)... и арабизировали это, и стали говорить «Булгар» . Позже Абуль-Фида повторит это — «Болар», названный арабами «Болгар».

Приведенное выше извлечение из истории булгар показывает, что город Булар — Балар — Булгар (столица государства) возникает не позже середины X в., очевидно, при царе Алмуше, о чем свидетельствует совпадение ряда сведений, сообщаемых Ибн-Фадланом и булгарским историком: болезнь царя, борьба с хазарами, всеобщее принятие ислама.

О том, что в X в. страну булгар и, очевидно, их главный город называли страной «Булар» (terra Bulgar), сообщает венгерский аноним, который говорит о приходе из земли Булара под начальством Билла и Бокс булгар-мусульман в Венгрию и о том, что впоследствии этих булгар называли «bileres», т. е. выходцы из земли Булара — Булара. Слово «билер» — «биляр» можно трактовать и как знатные, великие — «би» (знатный, вельможа, князь) «ляр» (приставка множественности). Не исключено, что и имя царя булгар — «билегвар» или «билгуар», как это читал Ш. Марджани, означал титул «знатнейший», «величайший». Первая часть слова «Балар» («Бал») могло быть и ирано-тюркского происхождения, так как на персидском языке слово «бала» означает «большой», «великий». Так, вероятно, образовалось название таких известных городов средневековья, как «Баласагун», (Куз-улуш, Куз-орду) — «Великий сагун» (первая столица караханидов), «Баласакаи» (Баплакан, Орен-Кала)—одной из столиц Кавказской Албании и Азербайджана «Баланджар» (Варачан, Беленджир, Булкар) — столицы болгар на Северном Кавказе. Поэтому это слово по отношению к столице Булгарии мы рассматриваем как эпитет «Великий», который в XII—XIII вв. затем был дословно переведен русскими летописцами — «Великий город». Показательно и то, что первые монеты, чеканенные в Булгарии с упоминанием места чекана, содержат название города или «Балар», «Блаар» или «Блгар» (см., например, монеты Микаила Ибн-Джафара). Вероятно, в X в. в связи с существованием двух Болгар столица государства называлась то просто великим городом (Баларом—Биларом), то Булгаром. С XI в. после переименования Булгара на Волге в город Ибрагима столица уже прочно стала называться Булгаром, но сохранялся и эпитет «великий». Это и фиксируют источники.

До 1236 г. Великий город—город Булгар па Черемшане — остается столицей Волжской Булгарии. Осенью того же года он был уничтожен полчищами монгол и

впоследствии вряд ли был восстановлен. Но это предмет уже другой статьи. Основан же этот город был специально как столица государства в X в., очевидно, при царе Алмуше, т. е. в 922 г., и в течение более чем трех веков был главной столицей Булгарии.

РАННИЙ БОЛГАР^[14]

Хлебникова Т.А.

Ранний Булгар и Биляр — разные последовательные этапы, а возможно, и разные пути развития города в Среднем Поволжье, связанные с общественным и экономическим развитием Волжской Булгарии домонгольского периода. Сравнение их правомерно только с учетом этого, иначе возникает опасность ошибочных выводов, которые, как мне представляется, и допустил А. Х. Халиков в оценке Булгара и Биляра, стремясь на этом основании пересмотреть вопрос о первоначальной столице Волжской Булгарии.

Широкие работы, поставленные в последние несколько лет на Билярском городище, своим материалом объективно должны сыграть большую роль, как для изучения самого городища, так и для многих вопросов экономической и социальной истории Волжской Булгарии, ибо Билярское городище — один из наиболее значительных памятников края. Но для этого необходимы большие публикации результатов раскопок. Постановка вопроса о значении памятника в истории края, да еще в пересмотр установившихся взглядов, без этой предварительной работы по публикации материалов преждевременна и ставит читателя в очень затруднительное положение. Однако попытаемся рассмотреть некоторые вопросы на предложенных А. Х. Халиковым в статье данных.

Возникновение поселения на Билярском городище к началу X в. надо, по-видимому, признать, хотя для выяснения этого вопроса приведенных в статье материалов еще недостаточно. Необходим весь комплекс материала в связи со стратиграфией и топографией памятника. Выяснению же территории и характера этого поселения исследователь уделил совершенно недостаточно внимания, особенно если учесть размах раскопочных работ на городище и значение изучения этого вопроса в оценке Биляра, которую он стремится прежде всего дать. За территорию Биляра в начале X в. А. Х. Халиков принимает площадь, ограниченную внутренним валом наружного кольца укреплений, т. е. по существу всю площадь городища. Основание для этого он видит в результатах работ на этих укреплениях. Они проведены дважды: в 1928 г. экспедицией А. С. Башкирова и в 1968 г. экспедицией Д.Х. Халикова. В результате работ 1928 г. (зачистка ямы на валу и шурфы 1,5x1,5ж) автор их дает сведения о существовании, по его мнению, первоначального вала и о подсыпке его, но у него нет сведения о сооружении этой линии укреплений «на чистой погребенной почве без выраженных культурных остатков». Для этого вывода А. Х. Халиков увидел, по-видимому, основание уже в результатах работ экспедиции 1968 г., когда зачисткой среза вала (раскоп VI) был получен полный его профиль. Этот профиль исследователь приводит на рис. 2 (верхний) своей статьи и видит в нем «остатки ранних укреплений, сооруженных на стерильной почве, очевидно, в начале строительства города».

Анализ приведенного чертежа позволяет сделать вывод, что сооружение вала — дело позднее. Считать его воздвигнутым на погребенной почве никак нельзя. Значит, под укреплениями на стерильной почве разумеется залегающее ниже широкое (до 7 м) неглубокое (до 1 м) углубление с очень пологими стенками, истолкованное вскоре после

его вскрытия как искусственный ров по краю террасы речки Елшанки Но в разбираемой статье А.Х. Халиков избегает такого толкования прослеживаемого в профиле углубления, понимая, очевидно, что для этого необходимы более убедительные данные, хотя и дает ссылку на прежнее высказывание. Наличие этого невыразительного углубления, прослеженного на протяжении менее 2 м, отнюдь не достаточно для реконструкции системы укреплений п выяснения территории Биляра, а других данных нет.

Что касается вала, то в определении времени его сооружения исследователи, по-видимому, были близки к истине при отнесении его к XII в. в информации в «Археологических открытиях 1968 г.», так как его насыпь при вскрытии, как указывает П. И. Старостин, дала мордовскую скульгаму с довольно сильно расширяющимися лопастями " и относительно позднего облика керамику.

Отсутствие в слое, подстилающем вал, находок X-XI вв., отсутствие их и в насыпи вала, землю для которого, как обычно, брали, по-видимому, откуда-то поблизости, не дает возможности согласиться с А.Х. Халиковым, что сюда, до внешнего кольца укреплений распространялась территория Биляра X-XI вв. Какова же эта территория, проходит ли граница в промежутке между внутренним и внешним кольцом укрепления, на основании приведенных в статье А.Х. Халикова сведений по раскопам в этом промежутке судить не представляется возможным.

Изучение времени возникновения внутренней линии укреплений также находится лишь на уровне разведок. Траншея, часть профиля которой приведена на том же рис. 2 (нижний), не дает достаточных данных для решения этого вопроса. А сведения по работам 1928 г., к которым А.Х. Халиков отсылает читателя, состоят только в том, что вал имел неоднократную насыпку и содержал вещевые находки". Данных о том, что он «был насыпан на чистой погребенной почве без выраженных культурных остатков» , среди них нет. Для выяснения этого вопроса совершенно необходимы дополнительные раскопочные работы.

Из вышеизложенного следует, что территория Биляра X в, не выяснена. Неоднократное повторение в статье утверждения об огромной его площади об изначальной его планировке в виде внутреннего и внешнего города звучат навязчиво и являются недоказанными. Думается, что ясна неправомерность проделанного А.Х. Халиковым сравнения Билярского городища в пределах наружного кольца укреплений с Булгарским городищем более раннего времени, а сопоставление Биляра в таком виде с планировкой столичных городов Дунайской Болгарии и Средней Азии возможно лишь с учетом определенной разницы во времени.

Можно ли считать выясненным характер поселения начала X в. па Билярском городище? На основании приведенных в статье данных — нельзя. Утверждения о времени сооружения укреплений не доказаны. При выяснении времени застройки домами, караван-сараям и объектами ремесленного производства речь идет о X в., не позже X в, А каковы данные стратиграфии, соотношение объектов с укрепленностью поселения? Эти сведения отсутствуют.

Помещая Булгар X—XI вв. на месте Билярского городища, А.Х. Халиков вступает в противоречие со сведениями арабских писателей, располагавших Булгар на р. Итиль, не пытаясь этого объяснить. Вызывает возражение обращение со свидетельствами арабских географов, без учета существующих толкований их, без того анали-

за, которого требует такого рода источник. А.Х. Халиков не приводит полного текста, свидетельства, а берет лишь отрывки из него, перемежая их своими словами, несущими нагрузку его толкования. После выдержки из Эль-Балхи о «внешнем Булгаре» звучит вывод о наличии «сведений о двух Булгарах, из которых один (внутренний) был столицей, а другой маленький (внешний) — торговой пристанью страны» Однако такого противопоставления у Эль-Балхи нет, и нет основания для вывода о двух Булгарах. Прибегая к сообщению Муккадеси о городах Булгаре, Суваре и Третьем городе, который «больше обоих вышеупомянутых городов», но имя которого Д. Хвольсон не разобрал, а Готвальд читает как «Хадар» А.Х. Халиков приписывает ему (Муккадеси) несуществующие у него разделение двух Булгаров и указание на большую величину одного из них. Такое вольное обращение с источниками не вызывает доверия и к ряду других положений статьи, основанных на письменных, фольклорных и языковых данных. Их, как, впрочем, и обращение к свидетельствам арабских географов, следовало бы рассмотреть арабистам.

И в заключение позволю себе заметить, что исследователям Биляра для определения его места и значения в истории Волжской Булгарии и в развитии ее культуры необходимо прежде всего хорошо представлять, каким он был для того или иного отрезка времени, т. е. что ему свойственно археологически в тот или иной период. Здесь огромную роль играет стратиграфическое изучение памятника, которому, судя по статье, до сих пор еще не было уделено должного внимания. Без выяснения содержания слоя в различные периоды жизни города, в его характере, в его истории не разобраться. Истины вроде бы для археолога прописные, но, к сожалению, в данном случае ими пренебрегли.

К вопросу о первоначальном типе города Волжской Булгарии необходимо подходить с учетом всех особенностей социально-экономической основы и путей его возникновения. При этом, мне кажется, мы недооцениваем ту преемственность, которую имеет культура Волжской Булгарии, ее раннего этапа, с культурой салтово-маяцкого мира. Хотя, конечно, многое другое (развитие местного населения, связи с более развитыми странами Средней Азии и т. д.) играло свою роль и должно быть учтено.

БУЛГАР НА ВОЛГЕ.

К ВОПРОСУ О СТОЛИЦЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ БУЛГАРИИ*^[15]

Ф.Ш. Хузин

Вопрос о первой столице Волжской Булгарии – административно-политическом центре, постоянном местопребывании правителя страны – волнует исследователей давно. Не соответствует действительности утверждение проф. А.П. Смирнова о том, что этот вопрос был убедительно решен еще со времен Френа в пользу Булгара на Волге и в дальнейшем якобы пересмотру не подвергался. В историографии XVIII – начала XIX вв. данная проблема специально и не ставилась. Х.М. Френ, исходя из анализа сведений Ибн Фадлана и данных нумизматики, писал, что в начале X в. городов у булгар еще не было, а та «крепость», для строительства которой понадобилась помощь Багдадского халифа Муктадира, была первым в собственном смысле городом и этот город назывался не иначе как Булгар.

Вопрос о местоположении этого города впервые был поставлен в статье известного русского ориенталиста В.В. Григорьева, помещенной в одном из томов «Энциклопедического Лексикона» Плюшара, вышедшем в свет в 1836 г. Автор статьи выдвинул предположение о том, что г. Булгар в качестве столицы государства волжских булгар переносится из Биляра-Булгара на место Болгарского городища лишь в XIII в. «Булгар и Биляр, – писал он, – суть только два различные диалектные произношения одного и того же слова». Близкую мысль о равнозначности этнонимов булгар и биляр высказывали еще раньше В.Н. Татищев, позднее Н.И. Золотницкий, в наши дни – польский исследователь М. Адамович**.

Во второй половине XIX в. возникла точка зрения о двух столицах домонгольской Булгарии. С.М. Шпилевский, автор этой концепции, в своем фундаментальном труде «Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии» (Казань, 1877) путем довольно обстоятельного разбора известных к тому времени источников высказал мысль, что первой столицей Булгарского государства был г. Булгар на Волге. Во второй половине XII в. вследствие изменившихся условий социально-экономического и военно-политического порядка, по убеждению С.М. Шпилевского, столица переносится в Великий город Болгарский на реке Черемшан, археологически представленный Билярским городищем, а после монгольского нашествия 1236 г. Булгар якобы вновь возвращает себе статус столичности.

Данная концепция нашла поддержку большинства русских и советских историков-булгароведов и прочно укрепилась в историографии. Однако доводы С.М. Шпилевского убедили не всех. С разных позиций критиковали ее такие известные

* Данная статья представляет собой сокращенный вариант главы 4 монографии Ф.Ш. Хузина «Булгарский город в X – начале XIII вв.» (Казань, 2001).

** К такому же заключению пришел недавно известный чувашский языковед Н.И. Егоров.

археологи, как А.А. Спицын, П.А. Пономарев, М.Г. Худяков, А.С. Башкиров, В.Ф. Смолин и др. Последний был убежден, что “центром Камско-Волжской Болгарии... был город Булгар, следы которого находятся в пределах нынешнего пригорода Билярска”; в XIII в. столица переносится в г. Болгар на Волге, основанный еще в XII в. и прежде известный под названием Бряхимов. Характерная особенность вещественных находок из этого городища, по мнению В.Ф. Смолина, заключается в том, что все они более позднего происхождения, нежели основные находки Биляра.

К сожалению, Билярское городище долгое время оставалось вне поля зрения археологов. В связи с начавшимися в 1967 г. широкими археологическими исследованиями на этом памятнике споры вокруг обсуждаемой нами проблемы приняли более острый характер. В дискуссии о столице домонгольской Болгарии, организованной журналом “Советская археология” в начале 1970-х годов дискуссии приняли участие А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, Р.Г. Фахрутдинов, Т.А. Хлебникова.

Анализируя результаты первых лет работ на Билярском городище, А.Х. Халиков пришел к убеждению, что оно возникло не позднее начала X столетия сразу на большой площади (620 га в пределах укреплений) и уже в X–XI вв. считалось крупнейшим городом Волжской Болгарии, площадь которого более чем в 50 раз превышала территорию Болгарского городища того же времени. А.Х. Халиков обратил внимание на особенности планировки Биляра, близкой, по его мнению, «к планировке столичных городов Дунайской Болгарии, Средней Азии и Южной Сибири» и заключил, что «он с самого начала строился как столичный город и поэтому имел характерное членение на внутреннюю и внешнюю части». Анализ данных письменных источников, прежде всего записок Ибн Фадлана, позволил ему высказать гипотезу о том, что строительство города, изначально называвшегося Булгаром (Биляр, Булар в значении “великий” – эпитеты), началось в 922 г. в районе р. Джауыр (М. Черемшан) и в течение более трех веков, до монголо-татарского нашествия 1236 г., он оставался единственной столицей государства. Болгарское городище на Волге, полагал А.Х. Халиков, представляет собой остатки Внешнего Булгара – города Ибрагимма (Бряхимова) русских летописей.

В ходе дискуссии наметился разный подход ее участников к имеющимся источникам, в частности, недостаточное внимание А.П. Смирнова и Р.Г. Фахрутдинова к фактам археологическим при одновременном преувеличении значения письменных источников, неоднозначно интерпретируемых, и данных татарского фольклора.

Любопытно, что в русских летописях, описывающих события X – первой половины XIII вв., города Булгар, Сувар, Биляр под собственными их названиями ни разу не упомянуты. Летописец, правда, город Болгар на Волге единственный раз упомянул в 1164 г. под названием Бряхимов (?), а Биляр – шесть раз, начиная с 1164 г., под названием Великий город. Арабо-персидские источники знают практически только два города – Булгар и Сувар. Чем это объяснить? Почему Биляр – один из крупнейших и богатейших городов средневековой Европы – упорно умалчивается источниками?

В свете новейших исследований археологов факт отсутствия у булгар VIII–IX вв. крупных поселений городского типа сомнений не вызывает. Ранние поселения начинают появляться в VIII–IX в., но в письменных источниках первые письменные сведения о больших селениях с мечетями и начальными школами относятся лишь к

началу X в. О городах ни разу не упоминает даже Ибн Фадлан, побывавший в Булгарию в 922 г. В то же время анализ его сочинения свидетельствует о готовности «царя» Алмуша не только укреплять в стране мусульманство при содействии приглашенных из Багдада проповедников, но и построить крепость, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников». Даже не получив обещанных ему денег, он не оставил своего задуманного плана, рассчитывая построить ее «на свои собственные средства, на серебро и золото». Где была построена эта крепость – на Волге или на Черемшане?

Здесь в первую очередь следует заметить, что традиционная точка зрения о расположении места ставки Алмуша и Багдадского посольства в районе Трех Озер недалеко от Болгарского городища, на мой взгляд, не соответствует описаниям Ибн Фадлана. Вот как описывает он маршрут своего путешествия к булгарам: «И мы уехали из страны этих людей (башкир. – Ф.Х.) и переправились через реку Джарамсан (Б. Черемшан), потом через реку Уран (Урень), потом через реку Урам, потом через реку Байнах (Майна), потом через реку Ватыг (Утка), потом через реку Нийасна (Бездна?), потом через реку Джавшыз». Проследив этот маршрут по карте, легко можно убедиться, что посольство благополучно миновало округу современного Болгарского городища (между р. Ватыг/Утка и Болгаром рек нет) и остановилось где-то в районе Ахтая-Бездны, недалеко от реки Атиль-Итиль (так называлось в средневековье и нижнее течение Камы), где археологам хорошо известно несколько крупных торгово-ремесленных поселений X–XI вв. Среди них выделяется обширное (площадью более 60 га) Измерское поселение с чрезвычайно богатыми находками раннедомонгольского времени. Здесь, между прочим, обнаружены сотни гирек для малых взвешиваний, деталей весов и саманидских дирхемов конца IX – начала XI вв., немалое количество импортных вещей. Есть серьезные основания локализовать ставку эмира Алмуша и место его встречи с посольством Муктадира именно в этом районе.

Что же касается зафиксированного Ибн Фадланом факта перекочевки болгарских племен во главе с Алмушем на реку Джаушыр и цели, которую преследовал при этом эмир, то мне кажется, что гипотеза А.Х. Халикова о вероятном месте сбора всех подчиненных Алмушу племен в районе р. Малый Черемшан (Джаушыр) и заложении здесь города-крепости, столицы страны, легко устраняет все противоречия и непонятные моменты в интерпретации сообщаемых Ибн Фадланом фактов. Действительно, район Биляра является самым густонаселенным (около 200 болгарских памятников в радиусе 20 км; для сравнения: в районе Болгарского городища таких памятников не более 20). На территории будущего города небольшое поселение открытого типа существовало еще до приезда Ибн Фадлана.

О начале строительства города в районе р. Джаушыр (М. Черемшан) в 922 г. косвенно может свидетельствовать состав Багдадского, первоначально включавшего около 5 тысяч человек. О наличии в составе посольства «умелых строителей для сооружения крепости» писали многие авторы, в том числе Ш. Марджани, В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, А.П. Смирнов и др. Обратимся в связи с этим к некоторым археологическим фактам.

Строительство Биляра началось сразу на огромной территории и по заранее продуманному плану. В полном согласии с сведениями Ибн Фадлана, археологические материалы убедительно документируют наличие среди строителей Биляра восточных, хорасанско-среднеазиатских мастеров. По мнению Р.Ф. Шарифуллина, изучавшего архитектуру и строительное дело Волжской Булгарии на примере Биляра, «основы болгарского монументального зодчества были заложены не позднее X–XI вв. и складывались под непосредственным влиянием традиций досельджукской архитектуры Ближнего Востока и Средней Азии». Факт проживания в Биляре строителей и зодчих из восточных центров может иллюстрироваться остатками наземных жилищ с каркасно-глинобитными стенами, обнаруженными в нижнем горизонте культурного слоя центральных районов городища. В этих домах или же рядом с ними во дворе стояли сферические печи типа тандыров. Традиция глинобитного строительства чужда булгарам. Очевидно, она была привнесена в Булгарию с мусульманского Востока, где этот вид построек с печами-тандырами был широко распространен с глубокой древности.

Предложенная А.Х. Халиковым на основе «Записок» Ибн Фадлана абсолютная дата основания города – 922 год – на наш взгляд, полностью соответствует археологическим данным и представляется близкой к истине.

... все основные сведения восточных авторов о болгарских городах, датированные первой половиной X в. сообщают о двух главных городах Волжской Булгарии (Булгар и Сувар – ред.), существовавших в указанное время, причем о городах достаточно крупных по своим размерам, с населением в 10 тысяч человек. Где локализовать эти города? Наши источники на этот вопрос не отвечают. Местоположение Суvara достаточно определенное и никаких споров не вызывает. Исходя из приведенных данных о размерах Булгара и учитывая данные археологии, более предпочтительным кажется размещение его на месте Билярского городища.

Подчеркивая большие размеры первых двух городов, арабские источники называют количество их населения – 10 тысяч жителей (ал-Балхи), 10 тысяч мужей (ал-Истахри, Ибн Хаукал), 20 тысяч всадников (автор «Худуд ал-алам»а). Этим цифрам верить, конечно, трудно, но все же они достаточно показательны и могут иметь отношение к выяснению вопроса о первой столице Булгарии. Р.Г. Фахрутдинов утверждает, что «речь идет не просто о жителях городов, а об их воинах, войске, выставляемом этими городами». «Исходя из этого, – продолжает он, – с уверенностью можно думать о значительно большем количестве населения указанных городов (особенно Болгара с 20 тысячами всадников), чем 10 000 человек». При этом он, конечно, совершенно не учитывает размеры Болгарского городища X–XI вв., достаточно точно установленные археологически, – 9–12 га. Как умещалось такое огромное количество населения – около 200 тысяч человек (из расчета 1 воин-всадник от 10 жителей) – на этой крохотной территории? Приведенные в источниках цифры как-то могут быть еще отнесены к Биляру с его огромными размерами, и то с большими сомнениями. Такое количество населения у Биляра (около 20 тыс. жителей) могло быть только в период его расцвета в XII – начале XIII вв.

Восточные писатели XI в. не оставили оригинальных сведений о городах Булгарии. Заслуживают внимания сообщения авторов XII в. Сведения ал-Идриси восходят еще

к X в.: «Булгар – имя города, населенного христианами и мусульманами: последние имеют большую мечеть». Ал-Джавалики, называвший себя очевидцем, о булгарах сообщает следующее: «Их строения похожи на строения Рума. Они большой народ, их город называется Булгар. Это очень большой город». Оригинальные сведения имеются у Абу Хамида ал-Гарнати, посетившего в середине XII в. Волжскую Булгарию. Столицу страны он кратко описывает так: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. А вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов». Этот город находится, по ал-Гарнати, на реке (название не указано), по которой плывут суда. Таких рек, как он пишет, в этой стране тысячу и «каждая река размером с милью». «А между Саджином и Булгаром по этой реке (надо плыть) 40 дней». Расположение города Булгара на реке вроде бы и соответствует топографии Болгарского городища. Но тогда вызывает недоверие выражение «Булгар – тоже огромный город» применительно к этому городищу. Если принять точку зрения наших оппонентов, возникает вопрос: почему город Биляр, крупнейший город средневековой Европы, ни разу не упомянут в выше-названных источниках X–XII вв.? Вопрос этот серьезный и весьма принципиальный, и он все время оставляется ими без ответа. А ответ, нам кажется, прост: город Биляр фигурирует в восточных источниках под названием Булгар (Болгар). Только при таком допущении мы обнаружим полное соответствие письменных и археологических источников.

Наши предположения прекрасно подтверждаются рассказом персидского историка XIII в. ал-Джувайни о покорении монголами в 1236 г. Волжской Булгарии и ее столицы: «...В пределах Булгара (страны. – Ф.Х.) царевичи соединились. Сначала они с силой и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью». В приведенном сообщении под городом Булгаром подразумевается, вне всякого сомнения, столица государства того времени, т.е. Великий город на Черемшане или Биляр-Булгар.

Итак, мы установили, что письменные источники допускают принципиально иное толкование содержащихся в них сведений о местоположении главного города домонгольской Волжской Булгарии, нежели это принято было в историографии. Их анализ позволяет идентифицировать Билярское городище с Булгаром X – первой половины XIII вв.

В заключение остановимся еще на одной группе исторических источников – данных нумизматики. По мнению А.П. Смирнова и его последователей, город Булгар (Болгарское городище) является местом, где чеканили монету, а монет-де билярской чеканки X в. неизвестно.

Монеты Волжской Булгарии X в. специально изучались Х.М. Френом, Р.Р. Фасмером, С.А. Яниной и А.Г. Мухамадиевым. Наиболее полный свод болгарских монет X в. на территории Восточной и Северной Европы составлен В.В. Кропоткиным (1986). По его данным, включающим находки с территории России, Украины, Белоруси, Польши, Финляндии, Дании, Норвегии и Швеции, к настоящему времени известно более 600 болгарских монет X в. Из них только 4 (четыре!) обнаружено на территории бывшей Волжской Булгарии, кстати, в ближайшей округе Биляра: 2 экземпляра в составе Татарско-Толкишского клада из Чистопольского района РТ и

еще 2 экземпляра в составе Старо-Альметьевского клада из Нурлатского района РТ*. В культурном слое Болгарского городища, как и в окрестностях этого памятника, таких монет не найдено. Следовательно, конкретное место чеканки собственно болгарских монет археологически не доказано. На таких же правах, если не на больших, на это место может претендовать и Биляр-Булгар. Как известно, на монетах, выпущенных в Булгаре, прочерчены знаки в виде рунической буквы «А». Вряд ли случаен тот факт, что такие же знаки среди гончарных клейм Билярского городища являются самыми массовыми (больше половины всех клейм). По мнению Н.А. Кокориной, данный знак представляет собой тамгу «правлящего в Волжской Булгарии княжеского рода и основной группы болгарского населения». На сосудах из Болгарского городища подобные знаки встречаются крайне редко.

Итак, комплексный подход к источникам – археологическим, письменным и нумизматическим – позволяет нам утверждать, что единственной столицей Волжской Булгарии домонгольского периода был город Булгар (Великий город), представленный Билярским городищем.

* В последние годы количество болгарских монет, обнаруженных на территории Волжской Булгарии, увеличилось, но не намного (ред.).

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСЕДЛОСТИ У ВОЛЖСКИХ БУЛГАР^[16]

Ф.Ш. Хузин

В археологии Волжской Булгарии появилась еще одна дискуссионная проблема, связанная с недостаточной изученностью ранних этапов археологии булгар, переселившихся из восточноевропейских степей на Волгу в течение VIII–IX вв. Суть дискуссии заключается в пересмотре хронологических рамок так называемого раннебулгарского («догосударственного, кочевнического и языческого») периода в истории Булгарского государства.

...археологами обнаружены десятки местонахождений, отдельных вещей в слоях домонгольских поселений, свидетельствующих о процессе седентаризации, происходившем в VIII–IX вв. на всей территории расселения ранних булгар. Среди них огромный интерес представляют два селища, исследованные в 1980–1990-х гг. П.Н. Старостиным за пределами северо-восточных укреплений Болгарского городища в низовьях Малоиерусалимского оврага. Материалы обоих памятников имеют исключительное значение для изучения вопросов, связанных не только с происхождением города Болгара, но и временем появления ранних поселений волжских булгар.

Более ранним является Малоиерусалимское II, расположенное на склоне левого берега оврага. В культурном слое мощностью около 20–30 см вскрыты остатки четырех жилищ типа полуземлянки подпрямоугольной формы, хозяйственные ямы-кладовки, зернохранилища, столбовые ямки. В них обнаружены железные ножи, топор, коса-горбуша, обломки каменных жерновов, стеклянные бусы, медные браслеты, костяные изделия. Основную часть находок составляет гончарная и лепная керамика. В первой группе посуды выделяется кувшин с расширением тулова в нижней части, близкий по всем параметрам данной категории сосудов из раннебулгарских могильников. В численно преобладающей группе лепной керамики значительное место занимает посуда, характерная для памятников полемской и ломоватовской культур Верхнего Прикамья. Часть сосудов имеет южные, салтово-маяцкие истоки. Редкими для культурного слоя поселений являются саманидские дирхемы в количестве 5 экз. Самая ранняя из них чеканена в 894/895 гг. В одном из жилищ обнаружена монета 898/899 гг. Поздние монеты относятся к 913–932 гг.

Основываясь на вышеперечисленных материалах, П.Н. Старостин, а вслед за ним и Е.П. Казаков датируют время существования левобережного Малоиерусалимского поселения первой третью X столетия, называя его ранним Болгаром. Мне представляется, что в указанное время поселение еще функционировало, но возникновение его относится к более раннему времени, скорее всего, ко второй половине IX в. При датировке поселенческих памятников ориентироваться лишь на находки монет не совсем корректно, ибо они могли появиться позднее, а не в момент основания поселения. Кроме того, следует учесть, что вышеописанный весьма специфичный керамический комплекс совершенно не характерен для раннего, VI слоя Болгарского городища, возникшего, по единодушному признанию исследователей, в начале X в.

Заметим попутно, что до сих пор ранний Булгар археологически локализовали в пределах современного городища, в северной его части, примерно там, где сегодня находятся остатки Соборной мечети, построенной в золотоордынское время. Он занимал в X–XI вв. небольшую площадь (около 9 га), укрепленную деревянной стеной и глубоким рвом. Мои же оппоненты пытаются доказать, что ранний Булгар располагался в Малоиерусалимском овраге, т.е. за пределами городища, и лишь в третьей четверти X в. было основано новое поселение, вошедшее в историко-археологическую литературу под названием Болгарское городище. Трудно представить, что Багдадское посольство 922 г. было принято булгарским ханом Джафаром ибн Абдаллахом (Алмушем) в небольшом поселении, располагавшемся в глубоком овраге, где якобы состоялось официальное признание Булгарии страной ислама.

В некоторых своих работах Е.П. Казаков в виде исключения относит возникновение двух городов – Болгара и Суvara – к 40-м гг. X в., очевидно, с учетом сведений восточных авторов, упоминавших их в своих трудах, написанных в первой трети этого столетия. По мнению исследователя, население Болгара, «как язычники, так и мусульмане, могли хоронить своих умерших на древнем кладбище своих предков, возникшем как культовый центр одного из этнокультурных объединений еще в IX в.», т.е. в Танкеевском некрополе. Биляр, как и другие постоянные поселения, был основан, по утверждению Е.П. Казакова, лишь в «измерское время», которое начинается с 960-х гг.

Классическими памятниками, время возникновения которых, на мой взгляд, не подлежит никакому сомнению, являются Болгарское, Суварское и Билярское городища, домонгольские слои каждого из которых содержат почти идентичный, хронологически не отличающийся друг от друга материал. Болгар и Сувар упоминаются в письменных источниках первой половины X столетия, начиная с 920-х гг., как крупные города, имеющие до 10 тысяч жителей. Судя по некоторым находкам, обнаруженным на территории Билярского городища, оно возникло, скорее всего, на месте более ранних поселений, существовавших уже в конце IX – начале X вв. Среди находок из нижнего горизонта культурного слоя имеются вещи (наконечники стрел, стеклянные бусы, украшения из цветного металла и т.п.), бытовавшие в IX – начале X вв. Значительное количество находок этого времени, известных из старых коллекций, было раньше опубликовано А.Х. Халиковым.

Таким образом, мы не видим достаточных оснований для расширения верхней хронологической границы раннебулгарского периода почти до конца X в. Конец IX – первая четверть X столетия – это, безусловно, завершающий этап оседания волжских булгар на землю, время массового появления стационарных поселений, в том числе и городов. Эти процессы происходили на фоне сложения новых форм общественных порядков, формирования государственности, налаживания связей с соседними народами, установления дипломатических отношений с Багдадским халифатом, результатом которого стало вхождение Волжской Булгарии в число стран исламской цивилизации.

ОБЩИЙ ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК И СБОРОВ КУЙБЫШЕВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БОЛГАРАХ (1946-1958 ГГ.)^[17]

С. А. Янина

За тринадцать лет систематических археологических работ на Болгарском городище было собрано 1697 экземпляров джучидских монет, которые с достаточной полнотой отражают состав обращавшихся в древнем Болгаре монетных типов и основные этапы развития города.

Собранные Куйбышевской экспедицией джучидские монеты происходят из трех источников:

а) монеты, найденные в ходе раскопок имеющие стратиграфический паспорт,— 1092 экземпляра (серебряных — 141; медных 951);

б) монеты, происходящие из двух кладов с Болгарского городища,— 157 экземпляров (только серебряные);

в) случайные находки на городище — 448 экземпляров (серебряных — 51; медных 397)

Медные монеты составляют неизменное большинство одиночных находок на городище.

Самыми ранними монетными типами являются монеты (серебряные и медные) с именем халифа ан-Наср лид-дин-аллаха, чеканенные в Болгаре при хане Берке около 1259 г. Этими типами открывается серия монет, доходящая до момента трагической гибели города, разрушенного, как нам кажется, не в 1361 г. в результате захвата Болгара Булак-Тимуром а, в несколько более позднее время.

Дата 1361 г., принятая в литературе для обозначения времени гибели Болгара получена по наблюдениям над хронологическим распределением нумизматического материала. В массе монет, собранных на Болгарском городище, подавляющее большинство составляют экземпляры, чеканенные до 1360 годов. Более поздние монеты встречаются в весьма незначительном количестве на территории собственно Болгара. Напротив, главным местом их находок становится пригород Булгара — Ага-Базар, начало расцвета которого исследователи связывают с разрушением собственно Болгара в 1360-х годах.

В действительности дело обстоит не так просто. На территории собственно Болгара при раскопках найдено свыше 150 монет, чеканенных после 1361 г., исключая данные по Ага-Базару, — цифра, пренебрегать которой вряд ли возможно. Сам факт находок этих позднейших монет — серебряных и медных — на Болгарском городище свидетельствует о том, что торговая жизнь города продолжилась и в последней трети XIV в., хотя, вероятно, и в менее интенсивной форме, нежели до «великой замятии». Против возможных предположений об уничтожении Болгара в 1361 г. говорит между прочим, и то обстоятельство, что Булак-Тимур, захватив город, держался в нем несколько лет. Это произошло в период, когда в ходе усобицы золотоордынские царевицы и князья, к числу которых принадлежал и Булак-Тимур, стремились не к разрушению захваченных ими городов, а к укреплению в них своей

власти в противовес власти сарайских правителей. Трудно предположить, что уничтожение большого города было произведено по воле хана, политические возможности которого зависели от союза с Болгаром.

Сравнительно небольшое количество монет, чеканенных после 1361 г., нельзя объяснить местными причинами, действительными только для болгарской территории в чем убеждает сравнение болгарского материала с материалом раскопок и сборов на других золотоордынских городищах того же периода. Для такого сравнения мы привлекаем коллекции, собранные на Селитренном городище (сборы П. С. Рыкова) и в Наровчате (данные А. А. Кротяна). Этим городищам соответствуют джучидские города Сарай и Мохша, существовавшие долгое время после 1360-х годов.

Резкое уменьшение количества монет в обращении в период «замятии» 1360-1380 гг. наблюдается не только в Болгаре, но и в других городах Золотой Орды, свидетельствуя о значительном ослаблении торговой жизни и в городах в этот период. Пропорциональное распределение монет, чеканенных до 1360-х годов и после этой даты, совпадает и в Болгаре, и в Сарае, и в Мохше, демонстрируя закономерности, присущие золотоордынскому обращению в целом. Хорошо известно, что во времена Токтамыша происходит заметное возрождение чеканки Джучидов, хорошо прослеживаемое на материале кладов. Это возрождение ощущается, но в весьма слабой форме, и при подсчете материалов с джучидских городищ. Отмеченное противоречие между показаниями кладов и коллекций, собранных на городищах, вполне объяснимо. Материалы, собранные на городищах, в основной своей массе представлены медной монетой, тогда как в кладах тезаврируется серебро. Медный чекан Токтамыша при всем разнообразии его типов не идет ни в какое сравнение с медным чеканом первой половины XIV в. и 1350-х годов. Это явление уже было изучено Г. А. Федоровым-Давыдовым, который пришел к выводу о сильнейшей деградации внутренней торговли и городской жизни в Золотой Орде к 80-м годам XIV в. Тот же исследователь, анализируя состав джучидских кладов, обратил внимание на заметную изолированность Болгара в рассматриваемое время от других волжских центров Золотой Орды, в силу чего в последней трети XIV в. болгарское обращение обеспечивалось главным образом бытованием старой монеты первой половины и середины XIV в. Все эти наблюдения заставляют признать, что после 1361 г. монетное обращение в Болгаре не только продолжается, но и остается не менее интенсивным, чем в других золотоордынских городах того же периода.

Последней датированной монетой, найденной на Болгарском городище, является тип 807 г.х. (1404/1405 г.) чеканенный в Болгаре от имени Шадибека. С началом XV в., по-видимому, мы и должны связывать окончательное запустение Болгара. Состав собранных на Ага-Базаре монет вовсе не содержит в себе какого-либо указания на то, что преемником Болгара он становится уже в 1360-х гг. Наличие на Ага-Базаре некоторого количества ранних монет, а так же заметного количества монет времени Тактамыша соответствует общим закономерностям состава монетного обращения Золотой Орды начала XV в. Более того, насыщенность обращения первой четверти XV в. старой монетой особенно подчеркивается тем обстоятельством, что основную массу монет этого времени, найденных на Ага-Базаре, составляют более ранние типы, снабженные надчеканкой или обрезанные.

Действительная дата прекращения городской жизни в Болгаре устанавливается и при наблюдении над монетными легендами первой четверти XV в. Монетный двор Улу Мухаммеда был основан уже в другом Болгаре – Новом Болгаре, хотя на монетах он и сохраняет старое наименование. Таких монет на Болгарском городище не найдено, совершенно нет их и на Ага-Базаре. Можно предполагать, что запустение Болгара связано с историческим процессом окончательного распада Золотой Орды на полностью обособленные государства XV в. – Казанское, Астраханское и Крымское. Во всяком случае, изложенную проблему следует решать в указанной связи.

КУФИЧЕСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ С БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (1957 ГОД)^[18]

С. А. Янина

В 1957 г. К. А. Смирнов передал в Государственный Исторический музей несколько куфических дирхемов начала X в., которые занесены в главную инвентарную книгу музея под № 95723. Эти монеты были найдены на территории городища Великие Болгары учителем с. Болгары В. М. Королевым.

Из 8 монет семь принадлежат чекану Саманидов и одна — подражание дирхему Исмаила ибн-Ахмеда; 6 монет чеканены от имени эмира Исмаила ибн-Ахмеда в Самарканде (3 экземпляра; 290, 292 и 293 г. х.), в аш-Шаше (2 экземпляра; 293 и 294 г. х.) и в Нисабуре (1 экземпляр; 294 Их.). Чекану Ахмеда ибн-Исмаила принадлежит 1 монета из аш-Шаша, 297 или 299 г. х.

Новая находка саманидских монет на Болгарском городище представляет несомненный интерес для характеристики экономического состояния и торговых связей волжских болгар X в. Поэтому, несмотря на то, что в формально-нумизматическом отношении эти монеты не содержат особо интересных сведений, их публикация необходима.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ ТЕКСТОВ

1. Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. - М., 1970. – С. 3 - 23.
2. Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре волжских болгар // СА – 1967. - № 4. – С. 274 – 285
3. Газимзянов И.Р. Усть - Иерусалимский могильник.
4. Губайдуллин А.М. Болгарское городище // Фортификация городов Волжской Болгарии. – Казань, 2002. – С. 87-91.
5. Жеромский Б.Б. Подгорная слобода города Болгары (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС) // КСИИМК. – 1953. - Вып. 50. – С. 55 - 63.
6. Кавеев М.М. Музеефикация археологических объектов в интерьере архитектурных памятников Болгара (на примере "Восточного мавзолея")//Биляр и Волжская Булгария:изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. – Билярск, 1997. – С.41-43.
7. Казаков Е.П. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // Finno-Ugrica, 2008, №11. – С. 34-39.
8. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI-начала XV вв. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). – Казань, 2002. С.84, 110-111.
9. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV в. М., 1993. – С.119-120.
10. Смирнов А.П. Волжские болгары // Тр. ГИМ. - Вып. XIX. - М., 1951.
11. Смирнов А.П. О столице государства волжских болгар // Советская археология. 1972.№ 1.
12. П.Н. Старостин Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С.53-63.
13. Халиков А.Х. О столице Волжской Булгарии // Советская археология. 1973. № 3.
14. Хлебникова Т. А. Ранний Болгар // Советская археология. 1975.№2.
15. Хузин Ф.Ш. Болгар на Волге. К вопросу о столице домонгольской Булгарии
16. Хузин Ф.Ш. К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских болгар // Научный Татарстан, 2010, №4
17. Янина С. А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946-1958 гг.) // МИА, № 111. – С. 153-178.
18. Янина С. А. Куфические серебряные монеты с Болгарского городища (1957 год) // МИА, №80. – С.224-225.